

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

The Archaeology of the Moscow region
Proceedings of scientific seminar

Issue 18

Moscow
2022

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Археология Подмосковья
Материалы научного семинара

Выпуск 18

Москва
2022

УДК 902/904
ББК 63.4
А87

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии Российской академии наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Энговатова (отв. редактор), В. Ю. Коваль (составитель), И. Н. Кузина

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

член-корреспондент РАН, доктор исторических наук Л. А. Беляев,
кандидат исторических наук И. Ю. Стрикалов

А87 Археология Подмосковья: Материалы научного семинара.
Выпуск 18. – М.: Институт археологии РАН, 2022. 388 с.

ISBN 978-5-94375-367-1

Очередной выпуск «Археологии Подмосковья» содержит статьи, охватывающие период от эпохи раннего железа до Нового времени. Традиционно один раздел посвящен исследованиям по керамологии. Все больше внимания уделяется естественнонаучным исследованиям археологических материалов: антропологическим, палинологическим, палеопочвоведческим и др. Созданию дендрохронологических шкал Костромской и Ярославской областей посвящена статья коллектива авторов. Результаты других исследований в Ярославле нашли отражение в статьях сборника, подготовленных также научными коллективами под руководством А. В. Энговатовой. Загадочную историю, произошедшую в средневековом Ростиславле Рязанском, разбирает в своей работе В. Ю. Коваль. Другие освещают материальную культуру жителей Александрова, Можайска, Старой Рязани, Москвы и др.

Сборник предназначен для археологов, историков, музейных сотрудников, краеведов.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-367-1
ISSN 2686-6897
DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-367-1

© Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт археологии РАН, 2022
© Авторы статей (фамилии выделены
в содержании курсивом), 2022

Содержание

Древности эпохи раннего железного века и древнерусского времени

<i>Вишневский В. И.</i> Литейные формы из Ратьковского раннесредневекового могильника	9
<i>Новоселова Т. Н.</i> Шумящие украшения из раскопок Ратьковского финно-угорского могильника VI–VII веков	23
<i>Гольева А. А., Сыроватко А. С.</i> Палеоэкология поселений раннего железного века – эпохи переселения народов в Среднем Поочье (результаты недавних исследований)	35
<i>Сыроватко А. С., Гусева В. П., Клещенко Е. А.</i> Соколова Пустынь: погребения-кремации из раскопов 2020 года	42
<i>Иванова А. В.</i> Литейная форма для изготовления нательных крестов из раскопок Старорязанской археологической экспедиции 2020 года	53
<i>Панченко К. И.</i> Археологические исследования вала города Дмитрова на участке бывших Никольских ворот	59
<i>Коваль В. Ю.</i> Необычное захоронение из Ростиславля	68
<i>Янишевский Б. Е.</i> Железная булава с Борисова городка под Можайском и ее аналогии	80
<i>Энговатова А. В., Лазарев А. С., Мацковский В. В.</i> Новые археологические находки для дендрохронологической шкалы по хвойным породам для Ярославской и Костромской областей	91
<i>Мустафин Х. Х., Энговатова А. В., Альборова И. Э., Тарасова А. А.</i> Палеогенетическая экспертиза останков из одного массового захоронения 1238 года в Ярославле	107
<i>Яганов А. В., Энговатова А. В., Рузаева Е. И.</i> Архитектурно-археологические исследования Спасского собора ярославского Спасо-Преображенского монастыря в 2008 году	120

Археология Нового времени

<i>Исланова И. В.</i> Вопросы локализации поселенческих объектов при разведочных работах на земельных отводах	136
<i>Зоц С. А., Высоцкий А. Л., Курицын М. А.</i> Комплекс гончарных горнов XVI века из раскопок Троице-Сергиевой Лавры в 2019 году	144
<i>Зайцева И. Е.</i> Игры и игрушки в Александровой Слободе в XVI–XVIII веках	154
<i>Коваль В. Ю.</i> Снова о фортификации Смоленска в XVI веке	164
<i>Клочков К. В.</i> Клад начала XVII века из города Лихвина	174
<i>Лихтер Ю. А.</i> Закрытые стеклянные сосуды из раскопок археологической службы Москвы. 1989–2019 годы	179
<i>Кабатов С. А., Кабатова Е. А., Медникова М. Б.</i> Изотопные и антропологические исследования погребений Старого города второго Костромского кремля	192

<i>Гусева В. П., Мазуров А. Б., Сыроватко А. С.</i> Неизвестное кладбище раннего нового времени и проблемы исторической топографии Коломны (по данным исследований 2020 года)	219
<i>Соловьев Д. Б., Кузина И. Н., Курмановский В. С.</i> Вещественные свидетельства Отечественной войны 1812 года из раскопок в Московском Кремле	230
<i>Плавинский Н. А.</i> Браславский Пречистенский монастырь по материалам раскопок 2019 года	255
<i>Авдеев А. Г., Окладникова Е. А., Свойский Ю. М., Романенко Е. В., Коришун В. Е.</i> Владельческие надписи на рукоятях ножей, найденные на берегу залива Симса: чтение, интерпретация, датировка	280

Керамологические исследования

<i>Полюях А. А.</i> Археологическое исследование селища Меткомелино 2: белоглиняные горшки	296
<i>Глазунова О. Н., Зайцева И. Е.</i> Печные изразцы из раскопок Заречной слободы в городе Александрове (Московская область) в 2020 году	379
Список сокращений	387

Contents

The Era of the Early Iron Age and Old Russian Times

<i>Vishnevsky V.I.</i> Foundry molds from the Ratkovsky early Medieval burial ground	9
<i>Novoselova T.N.</i> Noisy decorations from the excavations of the Ratkovsky Finno-Ugric burial ground of the VI–VII centuries	23
<i>Goleva A.A., Syrovatko A.S.</i> Paleoecology of settlements of the Early Iron Age – the Great Migration Period in the Middle Poochie (results of recent studies)	35
<i>Syrovatko A.S., Guseva V.P., Kleshchenko E.A.</i> Sokolova Pustyn: cremation burials from excavations in 2020	42
<i>Ivanova A.V.</i> Foundry mold for making pectoral crosses from the excavations of the Staroryazan archaeological expedition in 2020	53
<i>Panchenko K.I.</i> Archaeological research of the rampart of the city of Dmitrov on the site of the former Nikolsky Gate	59
<i>Koval V.Yu.</i> Unusual burial from Rostislavl	68
<i>Yanishevsky B.E.</i> Iron mace from Borisov town near Mozhaishk and its analogies	80
<i>Engovatova A.V., Lazarev A.S., Matskovsky V.V.</i> New archaeological finds for the dendrochronological scale for coniferous species for the Yaroslavl and Kostroma regions	91
<i>Mustafin H.H., Engovatova A.V., Alborova I.E., Tarasova A.A.</i> Paleogenetic examination of the remains from one mass grave of 1238 in Yaroslavl	107
<i>Yaganov A.V., Engovatova A.V., Ruzaeva E.I.</i> Architectural and archaeological research of the Spassky Cathedral of the Yaroslavl Spaso-Preobrazhensky Monastery in 2008	120

Archeology of Modern Times

<i>Islanova I.V.</i> Issues of localization of settlements during fieldwalking reconnaissances on land transfers	136
<i>Zots S.A., Vysotsky A.L., Kuritsyn M.A.</i> Complex of ceramic furnaces of the 16 th century from the excavations of the Trinity-Sergius Lavra in 2019	144
<i>Zaytseva I.E.</i> Games and toys in Alexandrova Sloboda in the 16 th – 18 th centuries	154
<i>Koval V.Yu.</i> Again about the fortification of Smolensk in the 16 th century	164
<i>Klochkov K.V.</i> Hoard of the early 17 th century from Likhvin	174
<i>Likhter Yu.A.</i> Closed-shape glass vessels from the excavations of the archaeological service of Moscow in 1989–2019	179
<i>Kabatov S.A., Kabatova E.A., Mednikova M.B.</i> Isotope and Anthropological Studies of the Burials of the Old City of the Second Kostroma Kremlin	192

<i>Guseva V.P., Mazurov A.B., Syrovatko A.S.</i> An Unknown Cemetery of the Early Modern Period and the problems of the historical topography of Kolomna (according to 2020 research data)	219
<i>Solovyov D.B., Kuzina I.N., Kurmanovsky V.S.</i> Material evidence of the Patriotic War of 1812 from the excavations in the Moscow Kremlin	230
<i>Plavinski N.A.</i> Braslaŭ Theotokos Monastery on excavation materials of 2019	255
<i>Avdeev A.G., Okladnikova E.A., Svoyski Y.M., Romanenko E.V., <u>Korshun V.E.</u></i> Owner's inscriptions on the handles of knives found on the coast of Sims Bay: reading, interpretation, dating	280

Ceramology

<i>Polyulyakh A.A.</i> Archaeological study of the settlement of Metcomelino 2: white-clay pots	296
<i>Glazunova O.N., Zaitseva I.E.</i> Stove tiles collected during excavations in Zarechnaya Sloboda, Alexandrov (Moscow region) in 2020	379
List of abbreviations	387

Н. А. Плавинский

Институт истории НАН Беларуси, Минск

Браславский Пречистенский монастырь по материалам раскопок 2019 года

Браславский Пречистенский монастырь является крайне интересным примером религиозной общины, жизнедеятельность которой осуществлялась на узко ограниченной территории озерного острова на протяжении длительного периода – более трех столетий. Остров Монастырь, на котором когда-то жила монашеская община, размещается в южной части озера Неспиш, имеющего площадь 4,57 кв. км, наибольшую глубину 6,3 м и длину береговой линии 16,5 км (Блакiтны... 2007. С. 306). Остров Монастырь входит в состав Слободковского сельского совета Браславского р-на Витебской обл. Республики Беларусь (рис. 1; 2).

Письменные источники

Редкой особенностью Браславского Пречистенского монастыря в сравнении с синхронными монастырскими комплексами северо-запада Беларуси является то, что его история может быть достаточно подробно реконструирована на основании существующих письменных источников, обзор которых уже опубликован (*Лісейчыкаў, Плавінскі, 2021*). Поэтому в настоящем тексте дано лишь краткое их перечисление и приведены важнейшие сведения по истории монастыря.

Один из первых документов, дошедших до нашего времени, в котором упоминается монастырь в Браславе, датируется 1540 г. Это привилей великого князя литовского Сигизмунда I на браславское пречистенское игуменство господарскому дворянину Митьку Васильевичу (*Варонін, 2003*). Из привилея следует, что предыдущий игумен Арсень умер незадолго до 1540 г. В документе упоминается великая княгиня Елена, имевшая когда-то право подавания браславских игуменов. Считается, что Елена получила Браслав в 1501 г., а в документе имеется формулировка «*оныи монастырь взела ку своему подаванью*». Это позволяет заклю-

чить, что монастырь в 1501 г. не просто существовал, а уже некоторое время функционировал. Кроме того, в 1819 г. руководитель Литовской провинции ордена василиан Цезарий Каменский сделал подробное описание монастырского архива, в котором в том числе имелась копия фундуша великой княгини литовской Елены 1503 г., утвержденного ее мужем Александром Ягеллончиком, выписанная из Полоцкого земского суда в 1621 г. Таким образом, можно полагать, что монастырь возник как минимум в XV в.

После заключения Брестской церковной унии монастырь признал юрисдикцию униатской иерархии. При этом имеются основания полагать, что уже в конце XVI в. браславский монастырь не обладал полноценной инфраструктурой, а по существу представлял собой обычное имение. Подтверждают это и материалы актовых книг Браславского земского суда 1603–1614 гг. За этот период монастырь в них упоминается только однажды и исключительно в связи с хозяйственной деятельностью.

Браславский монастырь практически не упоминается и в текстах заседаний капитула василианского ордена с 1617 по 1709 г. Это также свидетельствует в пользу того, что он практически не функционировал как полноценный монастырский комплекс. Под 1661 г. в материалах конгрегации ордена василиан прямо говорится, что Браславской архимандрии не существует.

Нет ни одного упоминания о деятельности монастыря и в материалах первой всеобщей генеральной визитации василианских монастырей Литовской провинции 1704–1705 гг. Однако известно, что по крайней мере номинально должность браславского архимандрита продолжала существовать и в это время. Так, в 1703 г. умер архимандрит Пафнутий Савицкий. Точно неизвестно, жил ли он в Браславе и был ли погребен в своем монастыре.

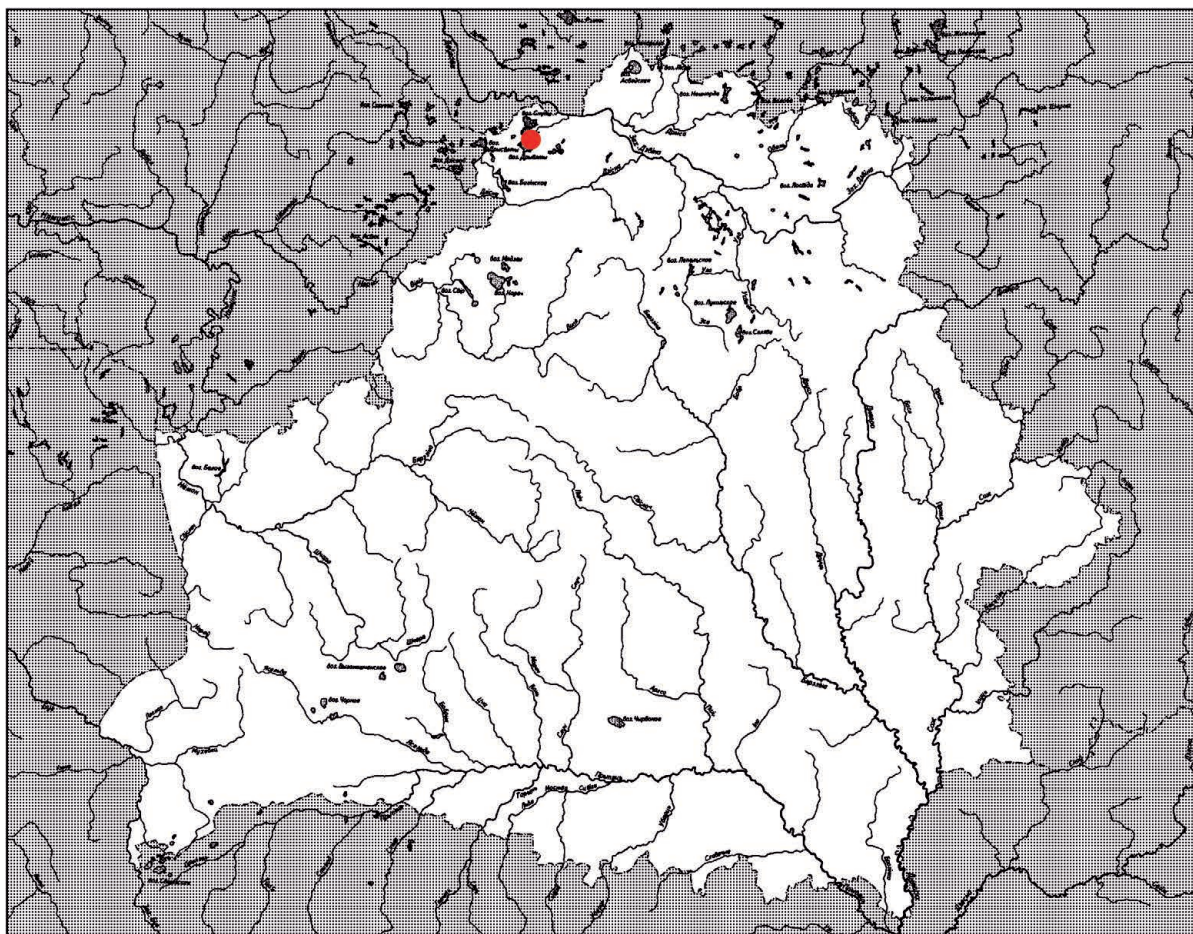

Рис. 1. Остров Монастырь на карте Беларуси (отмечен красным кружком)

Зато имеются надежные сведения, что уже следующий архимандрит, Константин Булгак, умерший 25 марта 1724 г., был погребен в монастырской постройке на острове. Таким образом, письменные источники дают нам основания утверждать, что как минимум с середины XVII в. (со времен Тринадцатилетней войны между Московским государством и Речью Посполитой в 1654–1667 гг.) до завершения Великой Северной войны, т. е. до середины 1720-х годов, Браславский монастырь де-факто не действовал.

Первые подробные данные о деятельности монастыря и о личном составе его братии содержатся в материалах генеральной визитации 1738 г., сохранившейся в фондах Австрийской Национальной библиотеки в Вене. Активизация монастырской жизни была связана с назначением на должность архимандрита Антония Праславского в 1738 г. Штат монастыря был полностью укомплектован. В нем вместе с архимандритом проживало пять монахов. Началась стройка жилых и хозяйственных помещений. Наибольшего расцвета монастырь достиг при

следующем архимандрите Яне Иерониме Нерэзии, занявшем эту должность в середине 1760-х годов.

Именно при Нерэзии Браславский монастырь обрел собственную реликвию, являющуюся поныне визитной карточкой христианства на Браславщине, – чудотворную икону Божьей Матери Браславской, известной под именем «Владычицы озер». Популярность культа этой иконы приносила монастырю значительные дивиденды. Во второй половине XVIII в. он стал часто посещаемым местом паломничества.

Наиболее полное описание монастырских строений незадолго до того, как он перестал действовать, содержит протокол его визитации за май 1819 г., составленный Цезарием Каменским. Следует привести отрывок из этого документа, содержащий описание существовавших на острове построек, в том числе и самого монастыря: «...монастырь, построенный из тесанного дерева в один этаж в две линии, покрытый гонтами. В первой линии находится квартира архимандрита на каменном основании, заключающая в себе 4 комнаты с двумя гардеробами,

Рис. 2. Остров Монастырь. Фото Г. Сялявы

выгодно расположенными, под коими суть четыре погребя, построенные из дерева и влажностью значительно испорченные, в другой линии находится ординарных кельи 4, пятая с комнаткою и две кладовыя, оба коридоры, равно же и все комнаты с потолком, на коридорах пол кирпичной, а в комнатах из досок, окна с рамами, печки из изразцов, двери старья на петлях с простыми замками. В комнате же архимандрита замки французские. Строение сего монастыря теперь требуют больших починок (...). В конце другой монастырской линии находится поварной флигель из тесанного дерева, недавно соломой накрытый, довольно ветхий, с двумя крестообразными коридорами, и 6-ью по обеим сторонам комнатами, между которыми находится трапезня, пекарня и другия кладовыя и жилия комнаты для работников. Недалеко сего флигеля двурусная копильня, покрытая гонтами, требует починки, равно и смежныя с ним жилища из тесанных бревен, покрытые гонтами, требует новой кровли. В зади помянутого флигеля старый ледник, теперь вновь перестраивается. Недалеко от онаго хлев. Мост же,

здесьней церкви построенный на сваях с перилами требует починки и укрепления...» (Генеральныя візіты... 1819. Л. 33 об. – 41 об.).

Последние годы существования монастыря связаны с личностью архимандрита Адриана Головни. В 1812 г. Головня практически не жил в своей монастырской резиденции, что косвенно поспособствовало упадку монастыря. После того как российские власти в 1809 г. возобновили деятельность Литовско-Виленской униатской епархии, ограничив ее территорией Виленской губернии и половиной Минской, Адриан Головня занял должность литовско-виленского епископа и стал постоянно проживать в Вильно. В начале 1830-х годов на острове произошел пожар, положивший конец существованию монастыря (Лісейчыкаў, Плавінскі, 2021).

Иконографические источники

В 1864 г. известный московский художник Д.М. Струков проводил экспедицию по так называемому северо-западному краю с целью фиксации культовых объектов, предметов церковного

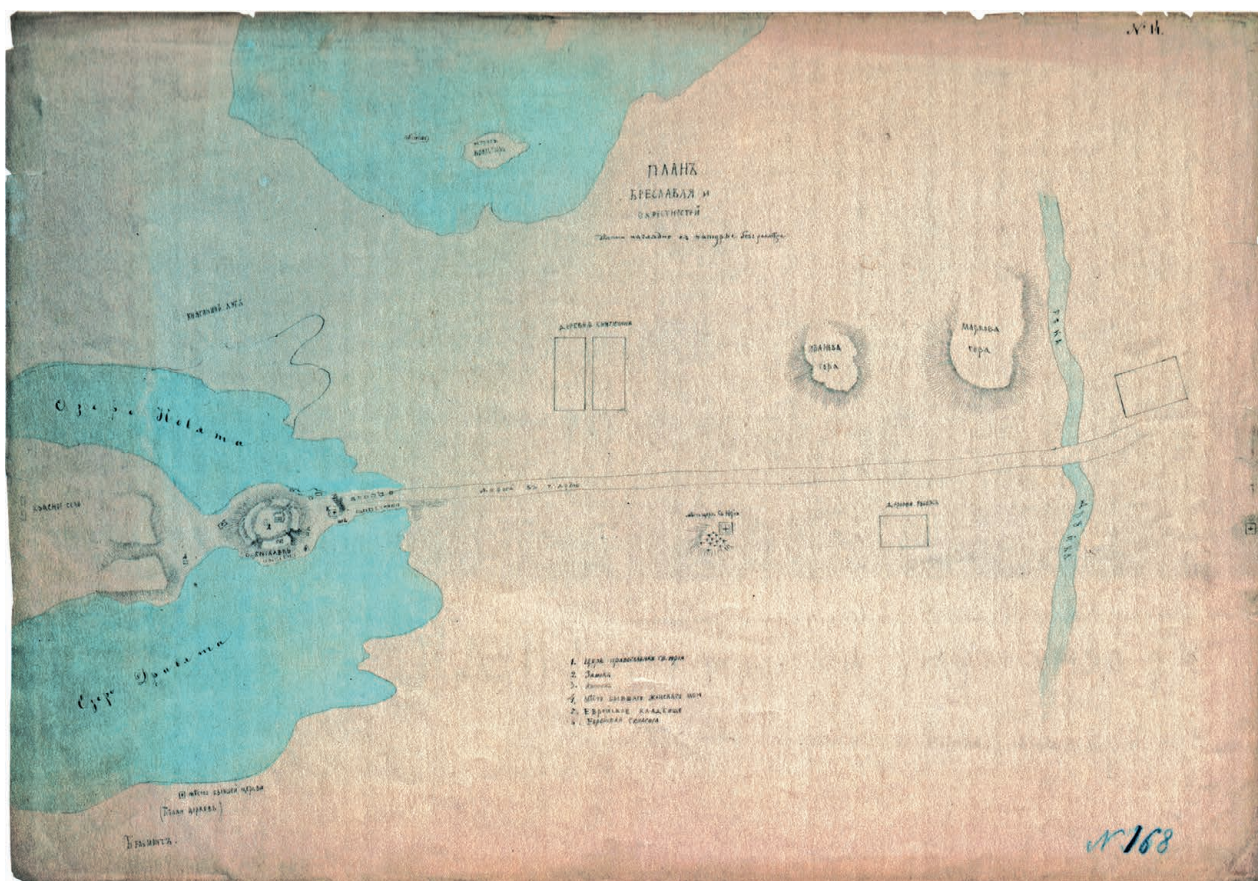

Рис. 3. Акварель Д. М. Струкова «План Бреславля и окрестностей». Делано наглядно с натуры, без размера»

быта и археологических памятников. Как результат работы этой экспедиции появилась серия акварелей, имеющих исключительную научную ценность. Среди акварелей Д. М. Струкова имеются и изображения острова Монастырь, в том числе «№ 14. План Бреславля и окрестностей. Делано наглядно с натуры, без размера» (рис. 3), «№ 15. Бреславль. Местечко Ковенской губернии Новоалександровского уезда. Святой остров, где был чуд. крест в 5-ти верстах от местечка, где был мужской Успенский мон. Озеро Неспиж» и «№ 16. От Бреславля в 5-ти верст. план острова и фундаментов мужского успенского монастыря» (рис. 4) (Струков, 2011. С. 42–45, 204–205).

К моменту проведения Д. М. Струковым его экспедиции Браславский Пречистенский монастырь уже три десятилетия как перестал существовать в результате пожара. Вместе с тем рисунки Д. М. Струкова, и особенно рисунок № 16, имеют исключительную научную ценность. Несмотря на то что изображения острова на глазомерных планах ориентированы по-разному и ни в одном случае ориентация не соответствует реальной

(рис. 5), их можно сравнить с современными планами и спутниковыми снимками. С учетом сведений из протокола визитации Ц. Каменского 1819 г. и плана Д. М. Струкова можно полагать, что монастырская церковь находилась в северной части острова, а монастырские строения – в южной (рис. 4).

История археологического изучения острова Монастырь

Несмотря на то что остров Монастырь давно привлекает внимание историков (Варонін, 2003; Джаксон, 2001. С. 136–140), сколько-нибудь значительных исследований памятника до 2019 г. не проводилось. Исключением были только разведочные работы, осуществленные Л. В. Дучиц в 1978 г. Исследовательница заложила на острове четыре шурфа размерами 1 кв. м, в которых выявлены фрагменты позднесредневековой керамики и изразцов. К сожалению, информация о точном месте размещения шурфов отсутствует (Дучиц, 1978. С. 123. Рис. 3–5).

Кроме того, в 2005 г. автор обследовал территорию селища Монастырь слева от шоссе

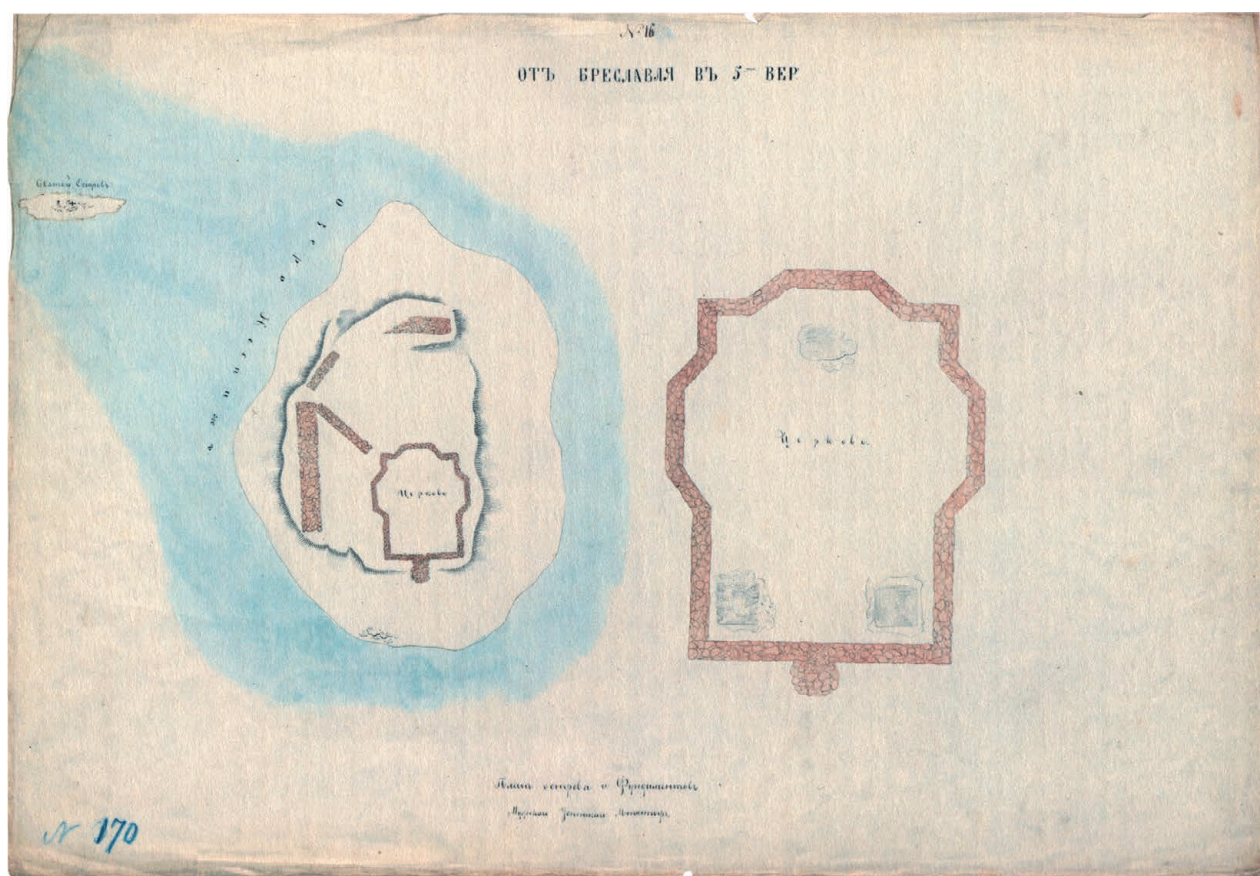

Рис. 4. Акварель Д. М. Струкова «От Бреславля в 5-ти верст. План острова и фундаментов мужского успенского монастыря»

Рис. 5. Остров Монастырь на снимке из Google

Браслав – Слободка – Друя, на полуострове озера Неспиш (рис. 6). Тут была собрана большая коллекция подъемного материала – фрагменты керамической и стеклянной посуды и изразцов XVI–XIX вв. (рис. 7; 8). Можно утверждать, что данное селище маркирует территорию, где размещалась часть хозяйственных монастырских построек (Плавинский, 2017. С. 119–124). В уже упоминавшемся протоколе визитации Браславского Пречистенского монастыря, составленном в мае 1819 г. Ц. Каменским, содержится следующее описание данных построек: «В конце сего моста по левой стороне стоит гошпитальный дом из крупного строевого леса с соломенною кровлею, которая также требует починки. Против него жилой дом для эконома вновь перестроенный, против же квадратный сарай с хлевами стоит, и прочими экономическими выгодами с соломенною кровлею. Возле которого построены лавки на 15-ть пределов. В недалеком расстоянии конюшни, построена клеть из старого дерева, далее овин и летнее гумно, сеновал, магазин крестьянской с соломенною кровлею. На пригорке за фольварочным огорождением

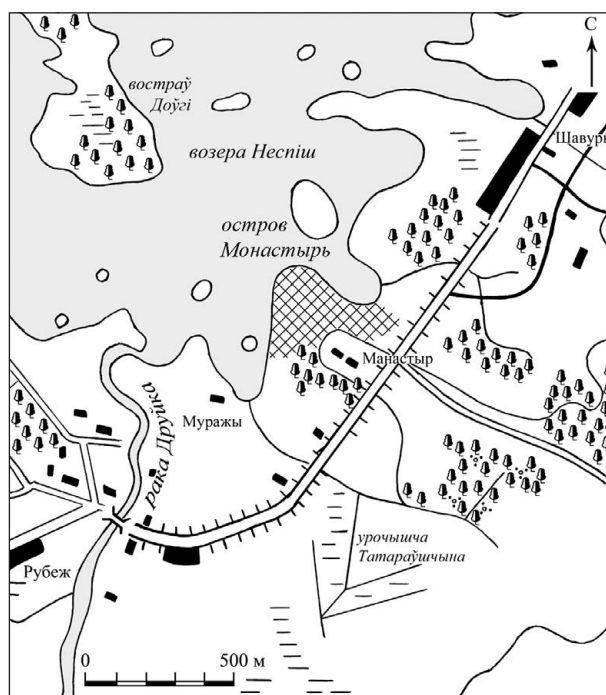

Рис. 6. Ситуационный план селища Монастырь (рис. Н. А. Плавинского)

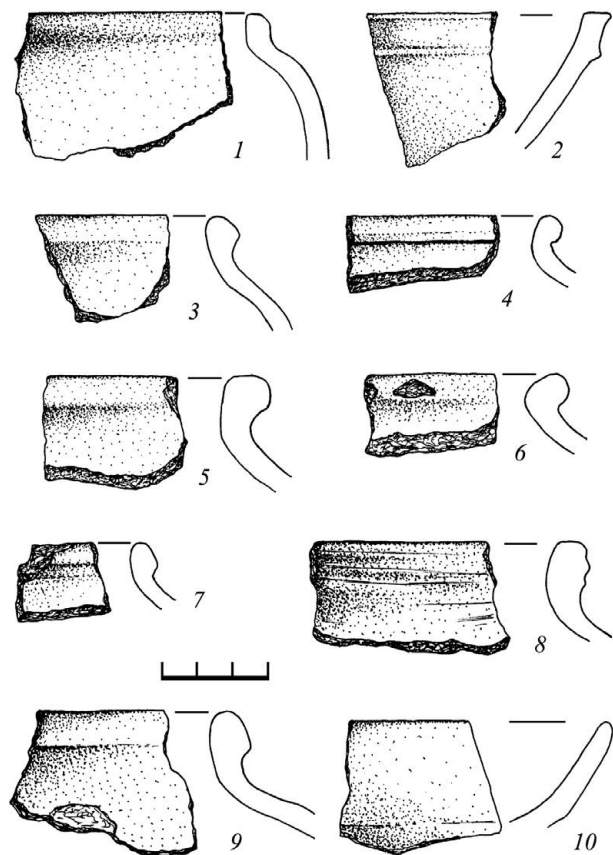

Рис. 7. Селище Монастырь. Подъемный материал из разведок 2005 г. Круговая керамика (рис. З. А. Ильчишин)

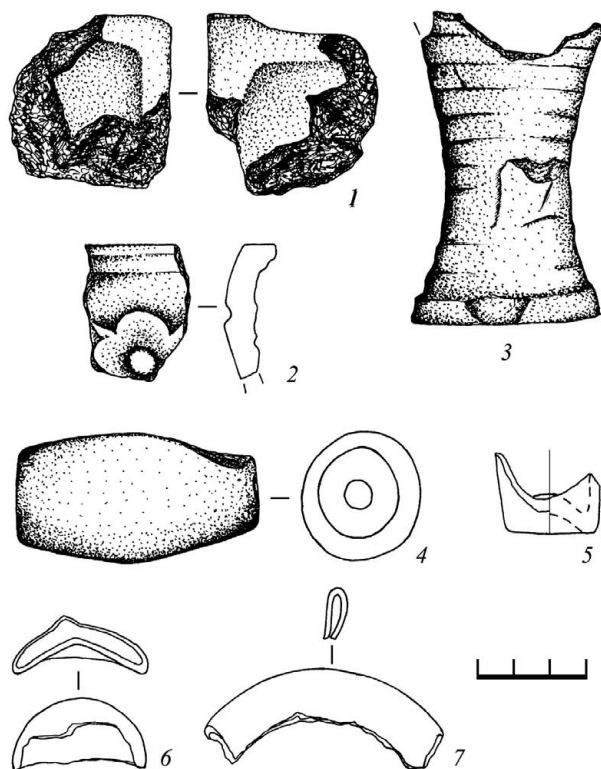

Рис. 8. Селище Монастырь. Подъемный материал из разведок 2005 г. (рис. З. А. Ильчишин)
1, 2 – фр-ты терракотовых изразцов; 3 – фр-т подсвечника (?); 4 – грузило от рыболовной сети; 5–7 – доньшки стеклянных сосудов

ветренная мельница, довольно еще прочная, и винокурня с солодовнею, построенная при фольварке. В боку фольварка, близко почтовой дороги, заездная корчма, построенная частью из тесанных, а частью из круглых бревен, при оной корчме дом для заезжих, клеть, ледник и юридическое строение. Все сии строения покрыты соломой требуют большой починки...» (Генеральныя візіты... 1819. Л. 33 об. – 41 об.).

Исследования на острове Монастырь в 2019 году

Проведение раскопок на острове Монастырь в 2019 г. обусловили как соображения научного, так и практического характера, связанные с разработкой комплекса мероприятий по рекреации острова Монастырь и включению его в существующие туристические маршруты, проходящие по территории Браславского р-на Витебской обл.

Исследования проводились в центральной части острова, ближе к его восточному берегу (рис. 9; 10). Тут были заложены раскоп I и шурфы I–III (рис. 11) общей площадью 54 кв. м (раскоп I – 26 кв. м, шурф I – 10 кв. м, шурф II – 8 кв. м, шурф III – 10 кв. м). Разборка культурного слоя осуществлялась по квадратам 1×1 м и пластам толщиной 0,1 м, сопровождалась полным просеиванием всего грунта на мелкоячеистых ситах.

Раскоп I имел прямоугольную форму размером 13×2 м и был вытянут по линии север – юг (рис. 10; 11). Мощность культурных напластований в раскопе достигала от 0,22–0,26 м в его южной части до 0,43–0,58 м в северной (рис. 12). Культурный слой в раскопе достаточно сильно перемешан на глубину до 0,2–0,3 м, вероятно, в результате неоднократной распахивки. Кроме того, территория острова долгое время (по крайней мере, со второй половины – конца 1990-х годов) привлекала пристальное внимание «любителей металлопоиска». Слой содержал значительное количество строительного мусора – преимущественно кусков кирпича, извести и камней.

В северной части раскопа выявлены три материковые ямы. Наибольший интерес представляет яма 2 (рис. 13), которая может быть интерпретирована как остатки забора, состоявшего из вертикально вкопанных столбов. Яма 2 имела вид траншеи шириной 0,30–0,35 м, пересекавшей раскоп I по линии юго-запад – северо-восток и углубленной в материк на 0,10–0,12 м. На дне траншеи выявлены отдельные ямы округлой, прямоугольной и овальной формы глубиной 0,15–0,25 м от уровня дна траншеи, имевшие диаметр 0,2–0,3 м. В за-

полнении отдельных ям имелись камни размером 0,07–0,15 м – остатки забутовки вертикально установленных бревен.

Шурф I был прирезан к раскопу I с востока (рис. 10; 11). Шурф имел прямоугольную форму размером 5×2 м и был вытянут по линии запад – восток. На уровне современной дневной поверхности на площади шурфа наблюдался заметный перепад высот – 0,4–0,5 м по линии запад – восток.

В шурфе найден фундамент шириной около метра (рис. 14), ориентированный по линии север – юг с небольшим отклонением к западу. Фундамент состоял из камней размером от 0,10 до 0,35 м и кусков крупноформатного кирпича, уложенных на известковом растворе.

В шурфе 1 выявлена яма 1, имевшая близкие к прямоугольным очертания и вытянутая по линии юго-запад – северо-восток (рис. 14; 15, 1). На уровне материка она имела достаточно неровные контуры, ее ширина достигала от 0,21 до 0,34 м, длина в границах шурфа – 1 м (рис. 15, 1). В процессе выборки ямы стало понятно, что она является могильной. Глубина ямы от уровня материка достигала 0,6 м. На дне могильной ямы выявлено погребение по обряду ингумации, ориентированное головой на юго-запад. Могильная яма вошла в границы шурфа I только частично, поэтому в сезоне 2019 г. ее исследовали примерно наполовину, после чего законсервировали. Левая рука погребенного была согнута в локте и уложена на живот. На уровне дна могильная яма имела ширину от 0,48 м (в ногах) до 0,75 м (в районе таза). С северо-западной, северо-восточной и юго-восточной сторон от ног погребенного вдоль стенок могилы фиксировались прослойки тлена серого цвета толщиной 0,02–0,03 м, очевидно, являющиеся остатками гроба, ширина которого в районе ног составляла около 0,4–0,55 м. Вероятно, гроб был сделан из досок, скреплявшихся при помощи кованых гвоздей (рис. 15, 2, 3). В заполнении могильной ямы найден ряд обломков круговой посуды, среди них нужно отметить венчик чаши (?), покрытой зеленой глазурью (рис. 15, 4), которая может быть датирована XVII в.

Следует заметить, что фундамент почти перекрывал (но не перерезал) могильную яму (рис. 14), а осыпь строительных материалов фундамента сформировалась через некоторое время после совершения погребения, так как над могильной ямой сначала образовался культурный слой, перекрытый после осыпью камней, битого кирпича и известкового раствора из фундамента.

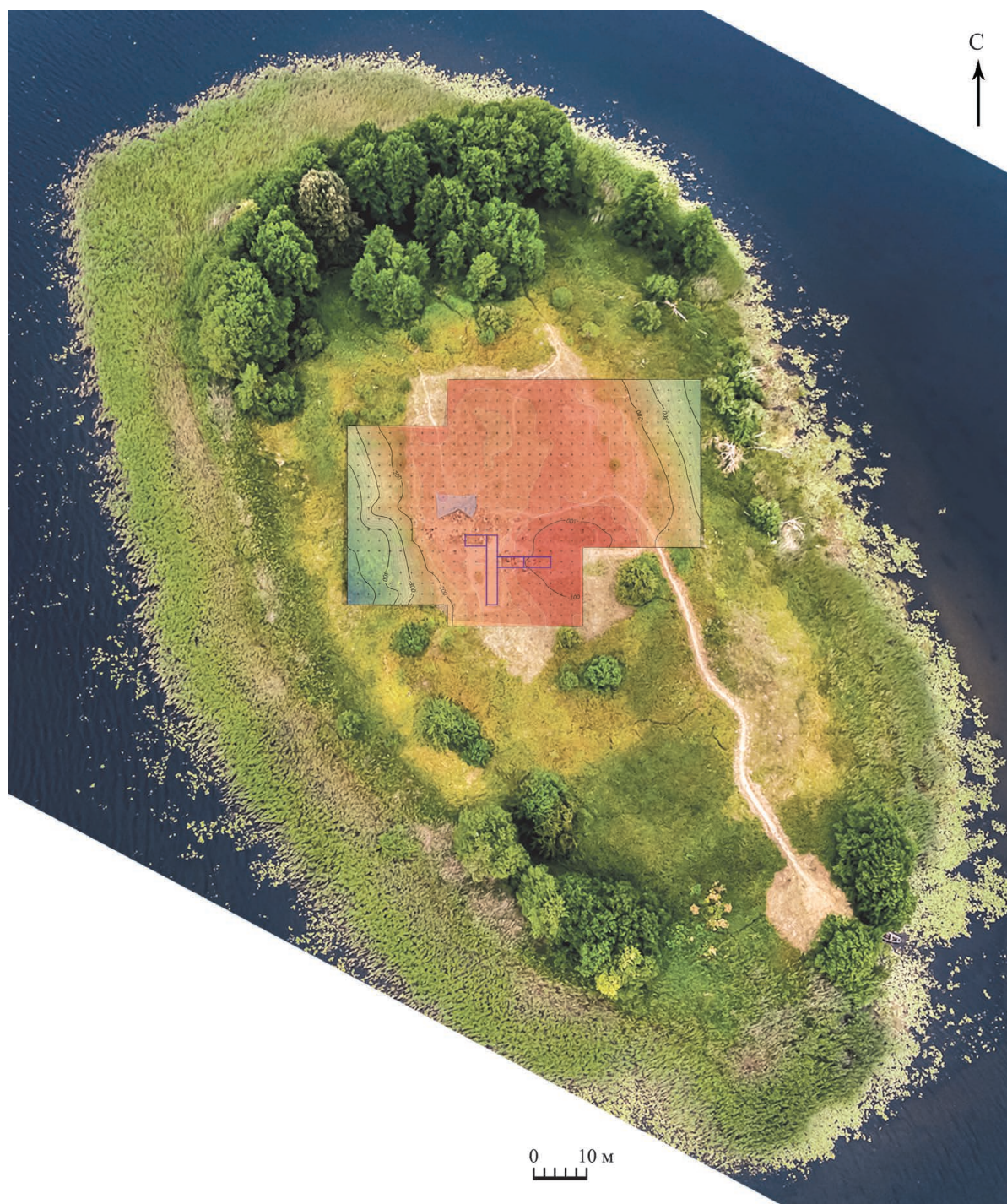

Рис. 9. Монастырь, 2019 г. Совмещение снимка острова Монастырь с высоты с планом его центральной части в горизонталях (рис. Н. А. Плавинского)

В восточной части шурфа I культурный слой исследован на глубину до 0,3 м и состоял преимущественно из строительного мусора – битого кирпича и фрагментов известкового раствора. В северо-восточном углу шурфа на глубине 0,12–0,14 м от уровня современной дневной поверхности об-

наружена выкладка из крупноформатного кирпича красного цвета шириной около 0,18 см (рис. 14).

С целью более детального изучения выявленных фундаментов с востока к шурфу I был прирезан *шурф III* прямоугольной формы размером 5×2 м, вытянутый по линии запад – восток (рис. 10; 11).

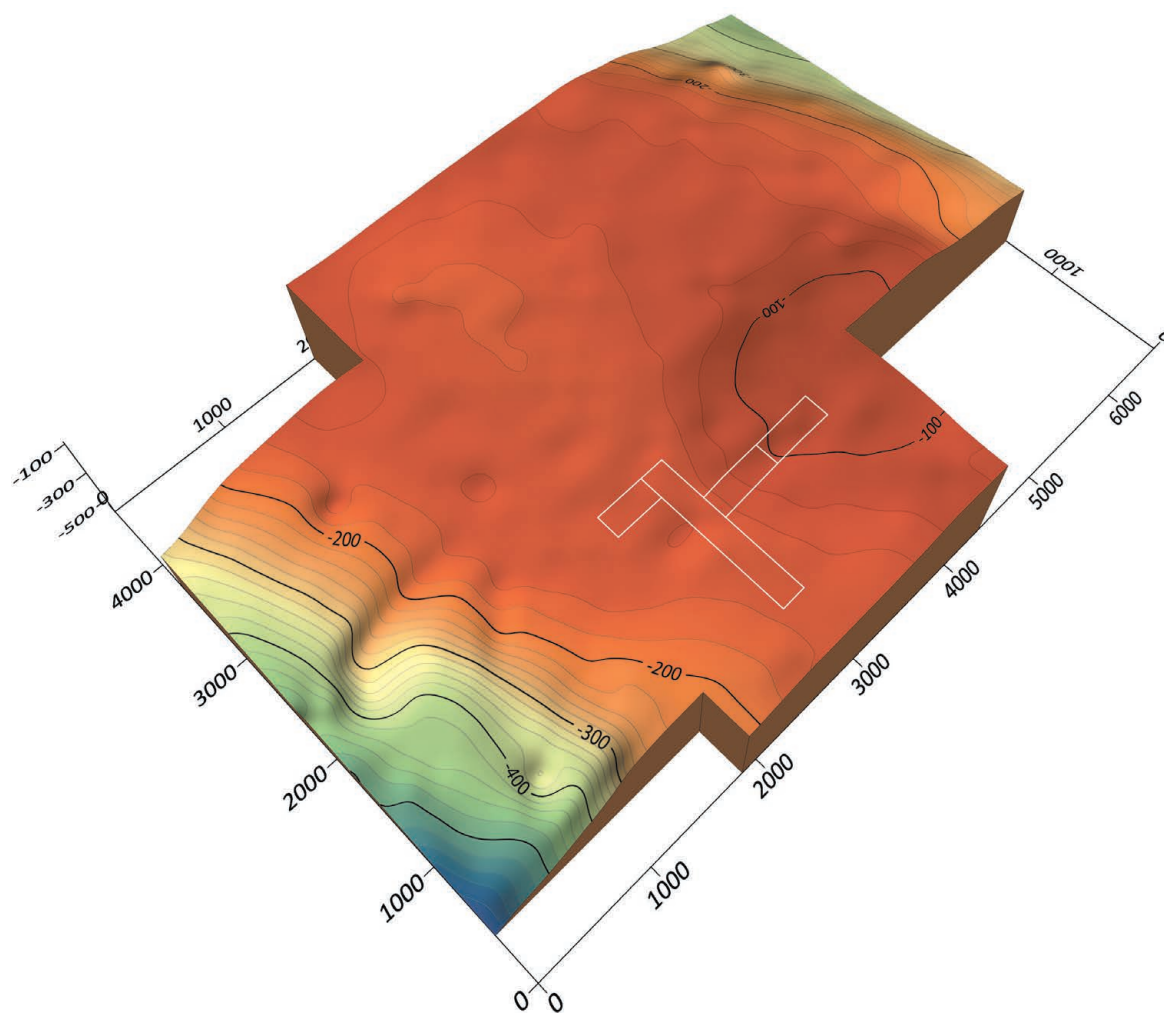

Рис. 10. Монастырь, 2019 г. 3D-модель дневной поверхности центральной части острова Монастырь. Горизонтالي проведены через 0,2 м (модель В. А. Маковской)

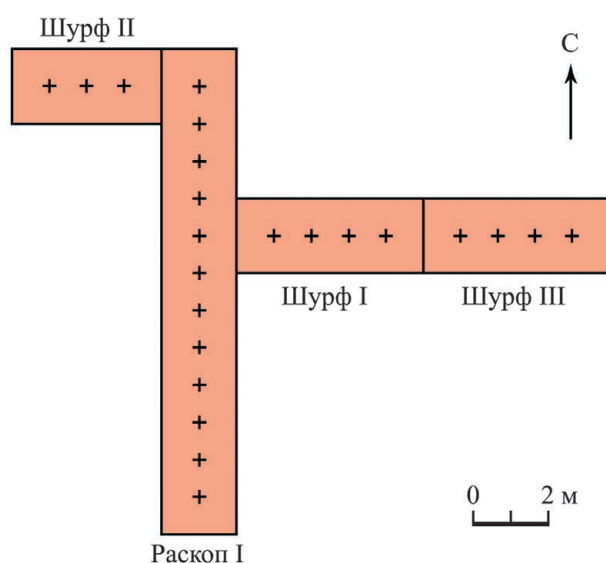

Рис. 11. Монастырь, 2019 г. Схема взаиморазмещения раскопа I и шурфов I–III

На уровне современной дневной поверхности на площади шурфа наблюдался заметный перепад высот – 0,18–0,27 м по линии запад – восток.

В шурфе III обнаружен фундамент шириной 0,6–0,8 м, ориентированный по линии север – юг с небольшим отклонением к западу, состоявший из камней размером от 0,10 до 0,65 м и кусков крупноформатного кирпича, уложенных на известковом растворе. В северо-западной части шурфа на глубине 0,12–0,2 м от уровня современной дневной поверхности расчищено продолжение выкладки из красного крупноформатного кирпича шириной около 0,18 м, западная часть которой выявлена в шурфе I (рис. 14).

Возможно, в шурфах I и III зафиксированы фундаменты одной из «линий» монастыря, описанного в 1819 г. Цезарием Каменским. Ширина помещения, фундаменты которого исследованы в 2019 г., составляла 3 м, а выкладка из крупноформатного

Рис. 12. Монастырь, 2019 г. Раскоп I на уровне материка. Вид с юга (фото Н. А. Плавинского)

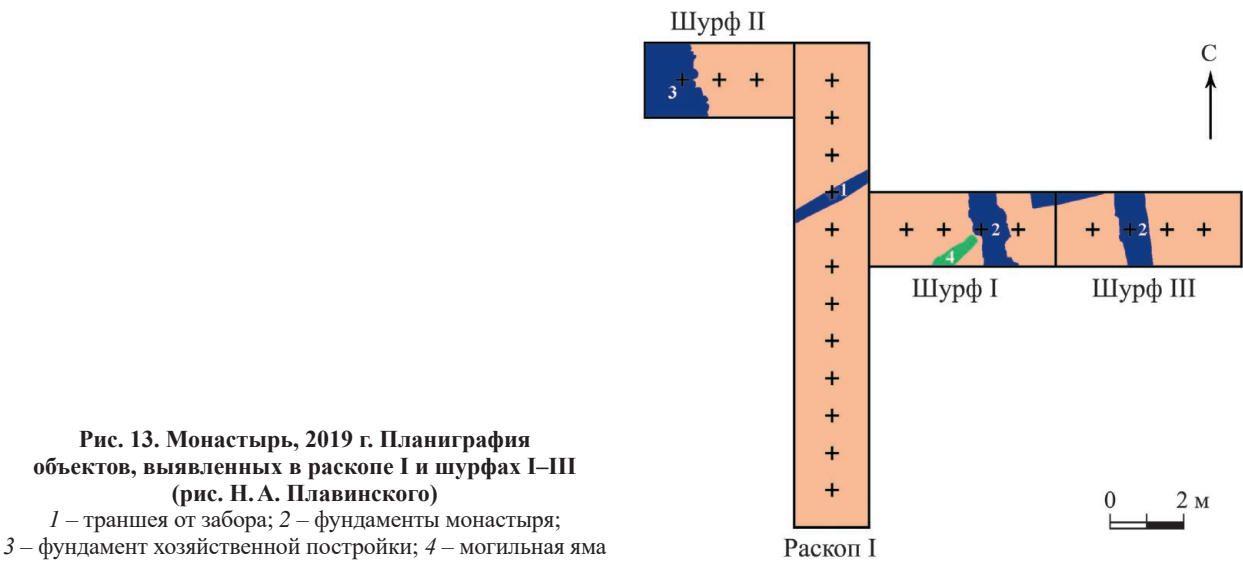

Рис. 14. Монастырь, 2019 г. 3D-модель фундаментов в шурфах I и III (модель В. А. Маковской)

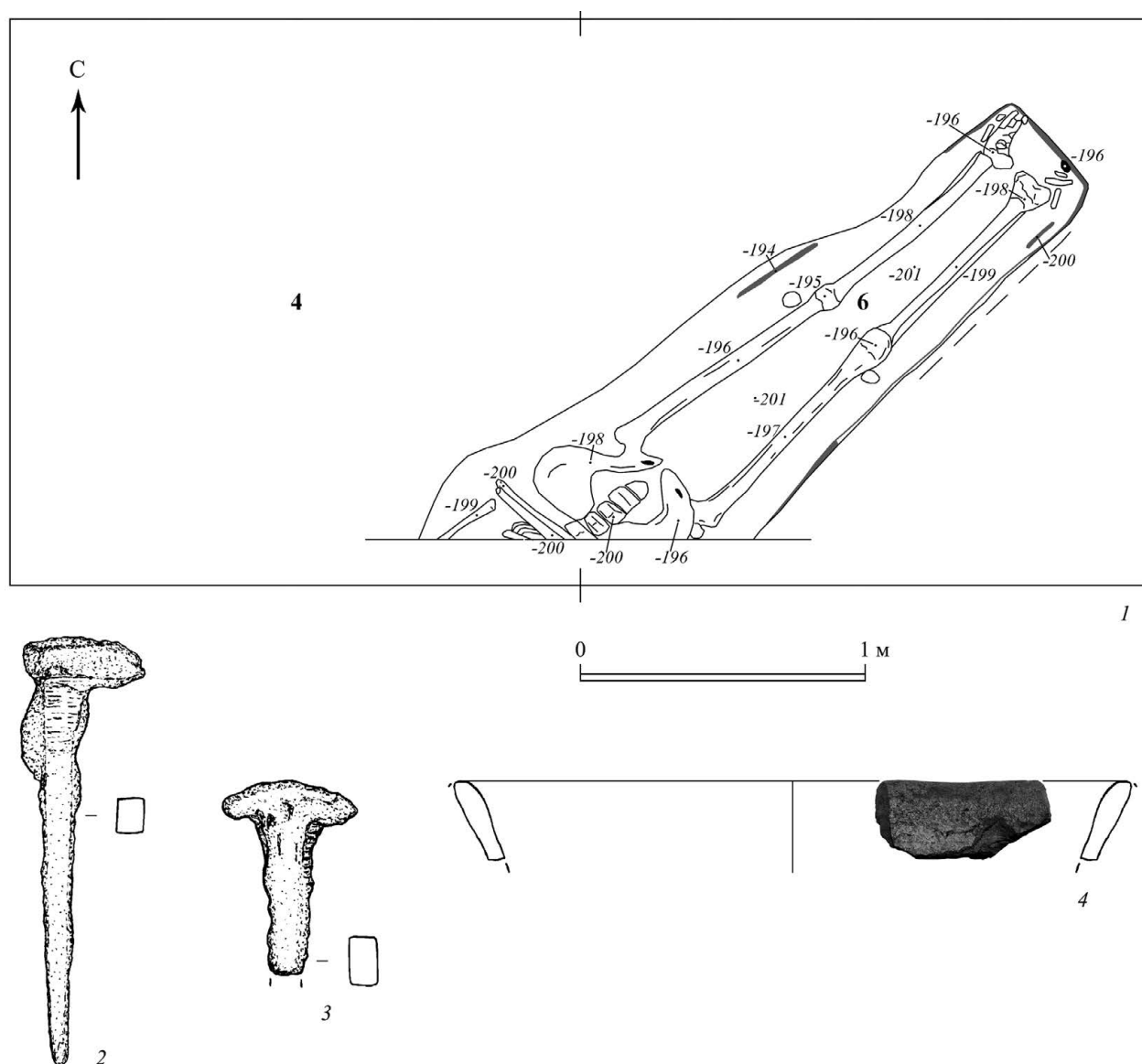

Рис. 15. Монастырь, 2019 г. План погребения (1) и материалы из заполнения могильной ямы (рис. Н.А. Плавинского)
2, 3 – железные гвозди от гроба; 4 – фр-т венчика кубка (?), покрытого зеленой глазурью

кирпича, вероятно, представляет собой остатки пола.

Шурф II был прирезан к раскопу I с запада. Он имел прямоугольную форму размером 4×2 м и вытянут по линии запад – восток (рис. 10; 11). В западной части шурфа выявлена выкладка из крупных камней размером до 0,30–0,35 м, ориентированная по линии север – юг. Камни уложены в два ряда, расстояние между ними составляло около 0,4–0,5 м. Пространство между крупными камнями забутовано мелкими камнями размером до 0,10–0,15 м, а в западной части выкладки выявлена прослойка глиняной обмазки (рис. 16). Вероятно, данный фундамент маркирует место размещения некой хозяйственной постройки.

Материалы раскопок на острове Монастырь в 2019 году

Несмотря на относительно ограниченную площадь, вскрытую в 2019 г., в процессе раскопок собрана представительная коллекция индивидуальных и массовых находок, анализ которых позволяет охарактеризовать основные этапы хозяйственного освоения острова Монастырь.

Начало человеческой жизнедеятельности на острове может быть отнесено к эпохе неолита – бронзового века, о чем свидетельствуют находки обработанного кремня, в том числе отщепов и медиальной части пластины¹.

Следующий этап хозяйственной активности фиксируется на острове в середине – второй половине 1-го тысячелетия н.э. Он засвидетельствован небольшой серией фрагментов лепной гладкостенной посуды, изготовленной из теста с примесью некалиброванной дресвы (рис. 17, 1–7).

Определенная хозяйственная деятельность на острове могла осуществляться и в древнерусское время, о чем свидетельствует венчик кругового сосуда с S-образным профилем и округлым краем (рис. 17, 8), который можно отнести к полоцкой керамике типа ША по Г.В. Штыхову. Такая керамика появляется в культурном слое Верхнего замка Полоцка уже в XI в. и количественно преобладает над другими типами на протяжении XII – первой половины XIII в. (*Штыхов*, 1975. С. 81, 82).

Однако на протяжении всех перечисленных периодов хозяйственное освоение острова носило

Рис. 16. Монастырь, 2019 г. Шурф II. 3D-модель каменного фундамента хозяйственной постройки (модель В. А. Маковской)

ограниченный характер, что не привело к формированию сколько-нибудь мощного культурного слоя. В свою очередь активная жизнедеятельность на острове начинается только со времени основания тут православного монастыря.

Среди индивидуальных находок, относящихся к этому периоду, следует отдельно отметить представительную нумизматическую коллекцию, состоящую из 64 монет конца XV – первой трети XIX в. (рис. 18–21). Наиболее ранние монеты принадлежат к периоду правления Александра Ягеллончика (1492–1506), что хорошо соотносится с первым упоминанием монастыря в письменных источниках. Наиболее поздняя монета – 10 грошей 1827 г. Королевства Польского – маркирует финал активной жизнедеятельности на острове, совпадающей со временем гибели монастыря в пожаре (*Плавинский, Красногир*, 2021).

Все монеты могут быть разделены на три хронологические группы:

- 1) конец XV в. – конец 1570-х годов (рис. 18);
- 2) 1600-е – конец 1660-х годов (рис. 19; 20);
- 3) 1710-е – конец 1820-х годов (рис. 21).

¹ Определение кремневых артефактов осуществлено научным сотрудником Белорусского государственного музея истории религии А. Д. Горшковым, за что автор приносит ему искреннюю признательность.

Таблица 1. Остров Монастырь, 2019 г. Распределение монетных находок.

Место находки	Общее количество монетных находок, экз.	Монеты, найденные в процессе просеивания, экз.
Раскоп I	15	2
Шурф I	16	6
Шурф II	19	5
Шурф III	14	6
Всего	64	19 (30%)

В коллекции преобладают монеты региональной чеканки, выпущенные монетными дворами Великого Княжества Литовского (30 ед.) и Польши (17 ед.), а также регионов, находившихся с ними в тесных политических и экономических связях (Рига, Москва, Крулевец – 9 экземпляров). Учитывая известный «интернационализм» монетного обращения в рассматриваемый период, не является случайным также и наличие некоторого количества иноземной монеты – копейки, отчеканенной в Великом Новгороде, Москве, Санкт-Петербурге,

тернеров из Эдинбурга – всего четыре экземпляра (Плавинский, Красногир, 2021. С. 144).

Следует отметить, что большое количество монетных находок, выявленных в процессе исследования монастыря, в значительной степени объясняется избранной в 2019 г. методикой раскопок, которая предусматривала не только использование металлодетекторов в процессе разборки культурного слоя, но и его полное просеивание на мелкоячеистых ситах. В результате в процессе просеивания было обнаружено 30% монет (табл. 1).

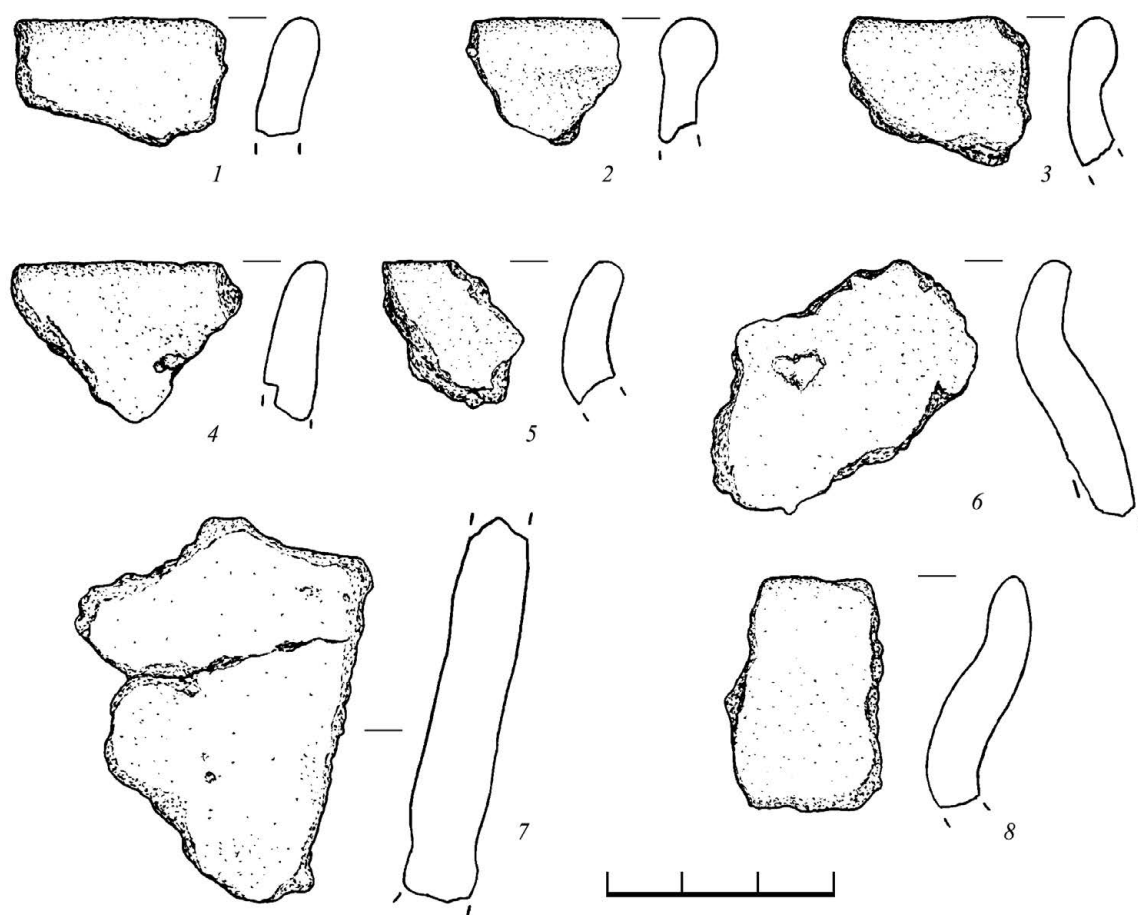

Рис. 17. Монастырь, 2019 г. Лепная керамика (1–7) и венчик кругового горшка древнерусского времени (8) (рис. Н.А. Плавинского)
1–6 – раскоп I; 7 – шурф I; 8 – шурф II

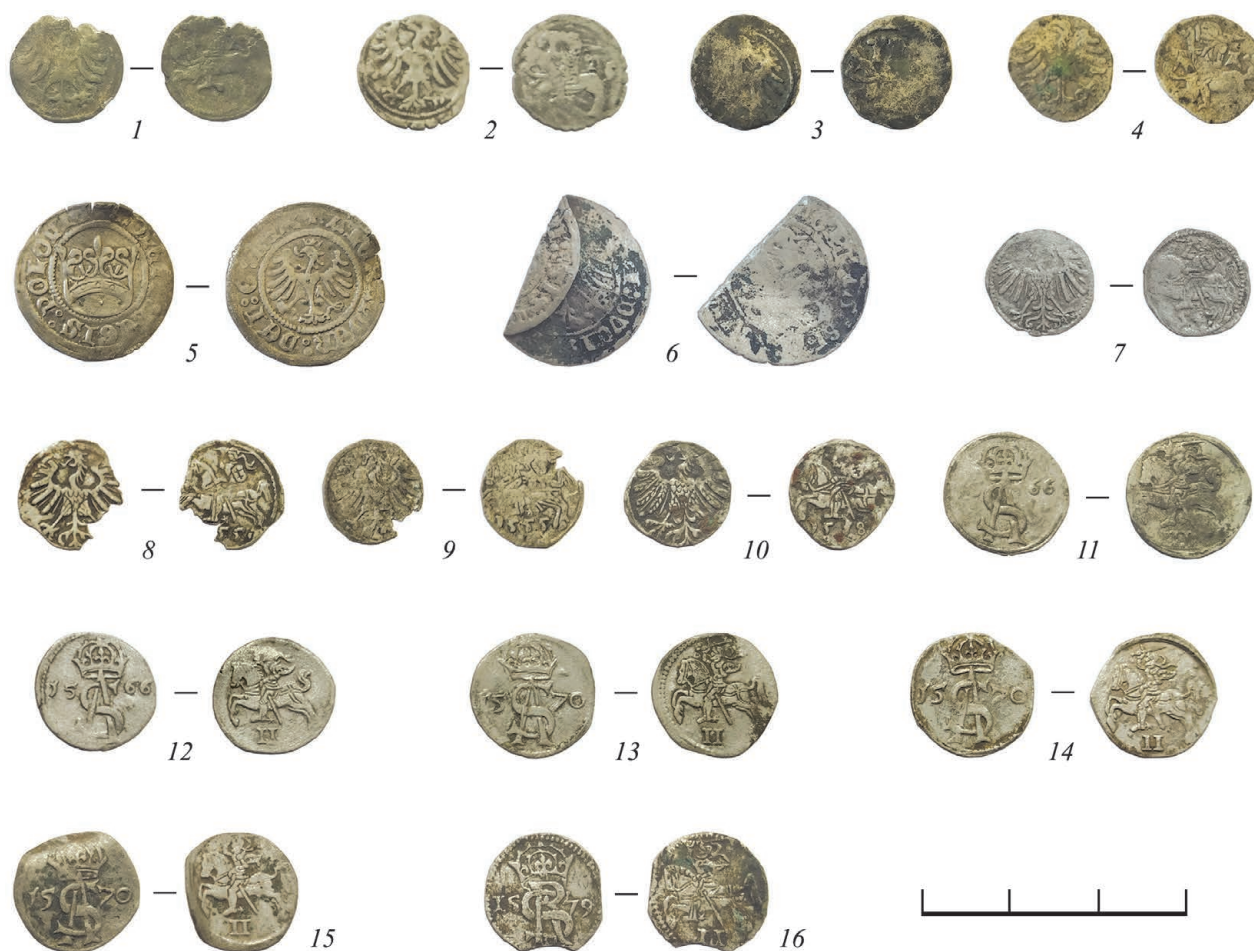

Рис. 18. Монастырь, 2019 г. Монеты первой хронологической группы, конец XV – конец 1570-х гг. (фото Н. А. Плавинского)
1, 2, 11, 13 – шурф I; 3–5, 8–9, 14 – шурф II; 6, 7 – раскоп I; 10, 12, 15–16 – шурф III

Кроме монет к числу индивидуальных находок (рис. 22) принадлежат детали одежды (пуговицы, застёжки, нашивки, пряжка), украшения (перстень), предметы быта (фрагмент курительной трубки, ключ, обломок рогового двустороннего гребешка, шило, лезвие ножа, тыльная накладка на рукоятку ножа, фрагмент бронзовой цепочки), орудия труда (рыболовные крючки). Интересной находкой, связанной с религиозной жизнью монастыря, является каменная бусина 16-гранной формы, вероятно, от четок (рис. 22, 10).

Как уже было отмечено, в шурфе I выявлено погребение, датировка которого может быть определена в границах XVII в. Кроме того, в раскопе I и шурфах I–III найдено в переотложенном виде

11 отдельных костей человека (табл. 2). На основании антропологического анализа определено, что эти кости принадлежат нескольким индивидам (от трех до одиннадцати)². Выявление потревоженного погребения и целого ряда переотложенных человеческих костей позволяет полагать, что на исследованном участке острова Монастырь в XVII в. функционировал некрополь (рис. 23), где могли хоронить местных монахов.

Среди массовых находок можно выделить следующие основные категории: керамическая посуда (рис. 24–28), стеклянные изделия (рис. 29), строительные материалы (рис. 30), остеологические и ихтиологические материалы (кости и чешуя рыб).

² Определение антропологических материалов из раскопок на острове Монастырь осуществила младший научный сотрудник отдела антропологии Института истории НАН Беларуси В. Е. Винникова, за что автор приносит ей искреннюю благодарность.

Таблица 2. Остров Монастырь, 2019 г. Osteологические находки.

№	Место находки	Описание
1	Р. I, пл. 3, кв. 1	Проксимальный эпифиз бедренной кости человека. Судя по несросшимся эпифизам, индивид не старше <i>Juvenilis</i> (не старше 18–20 лет). Имеется остеофит (разрастание костной ткани)
2	Р. I, пл. 4, кв. 1	Верхний левый медиальный резец (I ¹)
3	Ш. I, пл. 2, кв. 8	Нижний левый первый премоляр (P ₁)
4	Ш. I, пл. 2, кв. 9	Фрагмент правой теменной кости без швов
5	Ш. I, пл. 3, кв. 10	Проксимальный эпифиз бедренной кости человека, предположительно взрослого индивида, старше <i>Adultus</i> (старше 25–35 лет)
6	Ш. I, пл. 4, зачистка	Проксимальная фаланга левой кисти
7	Ш. II, пл. 3, кв. 7	Фрагмент диафиза трубчатой кости со следами окислов меди
8	Ш. III, пл. 3, кв. 1	Третий верхний левый моляр (M ³). Имеется срастание медиального и дистального корней
9а	Ш. III, пл. 3, кв. 2	Фрагмент правой теменной кости без швов
9б	Ш. III, пл. 3, кв. 2	Фрагмент правой верхней челюсти со вторым моляром (M ²) и корнями первого моляра (M ¹)
10	Ш. III, пл. 3, кв. 2	Деформированный грудной позвонок, предположительно Th II
11	Ш. III, пл. 3, кв. 5	Проксимальный эпифиз бедренной кости, предположительно <i>Infantilis II</i> / <i>Juvenilis I</i> (7–13 лет / 14–18 / 20 лет)

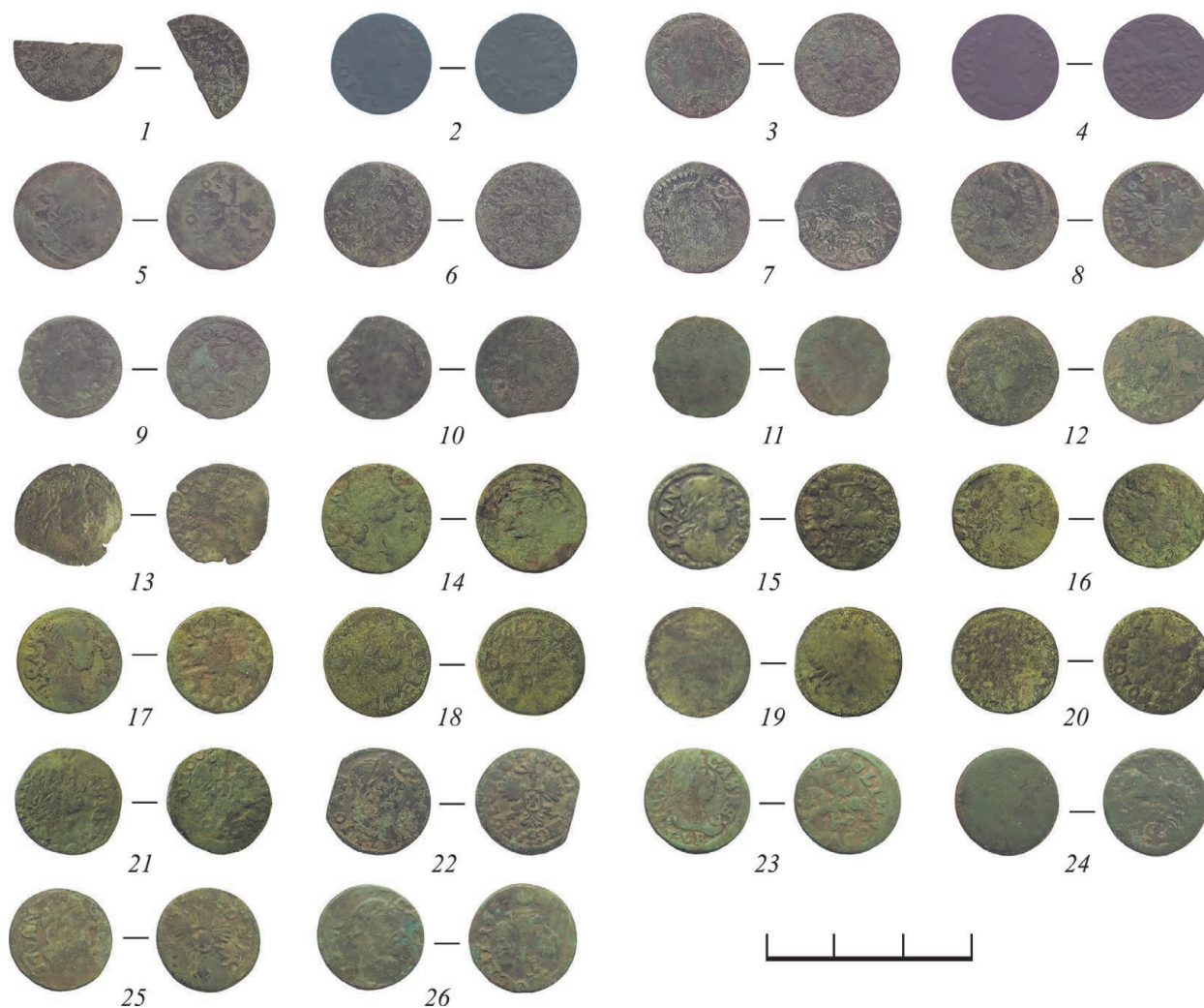

Рис. 19. Монастырь, 2019 г. Монеты второй хронологической группы, солиды Яна II Казимира Вазы (фото Н. А. Плавинского)
1–10 – раскоп I; 11–13 – шурф I; 14–21 – шурф II; 22–26 – шурф III

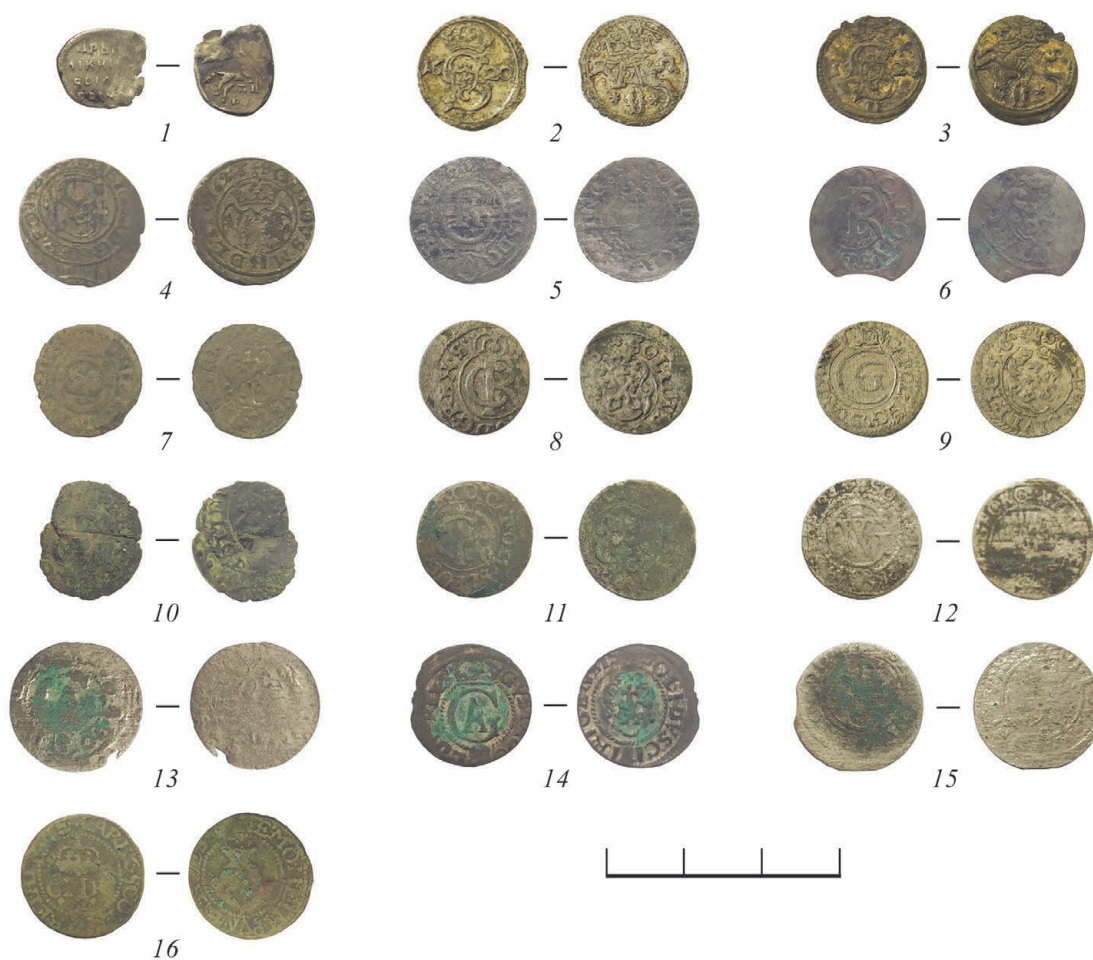

Рис. 20. Монастырь, 2019 г. Монеты второй хронологической группы, 1600-е – конец 1660-х гг. (фото Н. А. Плавинского)

1–3, 8, 9 – шурф II; 4, 7, 13–15 – шурф I; 5, 6 – раскоп I; 10–12, 16 – шурф III

Рис. 21. Монастырь, 2019 г. Монеты третьей хронологической группы, 1710-е – конец 1820-х гг. (фото Н. А. Плавинского)

1 – шурф III; 2–5 – шурф I; 6 – раскоп I

Рис. 22. Монастырь, 2019 г. Детали одежды, предметы быта и орудия труда (рис. и фото Н.А. Плавинского)

1 – пуговица (стекло); 2 – пуговица (железо); 3–7 – петельки для застегивания одежды (3, 4, 7 – железо; 5, 6 – цветной металл); 8, 9 – нашивки (цветной металл); 10 – бусина от четок (камень); 11 – пряжка (железо); 12 – перстень (цветной металл); 13 – цепочка (цветной металл); 14 – фр-т курительной трубки (глина); 15 – фр-т ключа (железо); 16 – шило (железо); 17 – фр-т гребня (рог); 18 – фр-т лезвия ножа (железо); 19 – тыльная накладка на рукоять ножа (цветной металл); 20–21 – рыболовные крючки (20 – цветной металл; 21 – железо); 22 – предмет с винтовой нарезкой (железо); 23 – фигурная накладка (цветной металл); 24 – фр-т кованого фигурного изделия (железо).

1–5, 7, 12, 14, 20, 21 – раскоп I; 6, 11, 15–19, 24 – шурф II; 8–10 – шурф I; 13, 22, 23 – шурф III

Рис. 23. Монастырь, 2019 г. Планиграфия находок человеческих костей в раскопе I и шурфах I–III. Зеленым цветом отмечены квадраты с переотложенными человеческими костями (рис. Н. А. Плавинского)

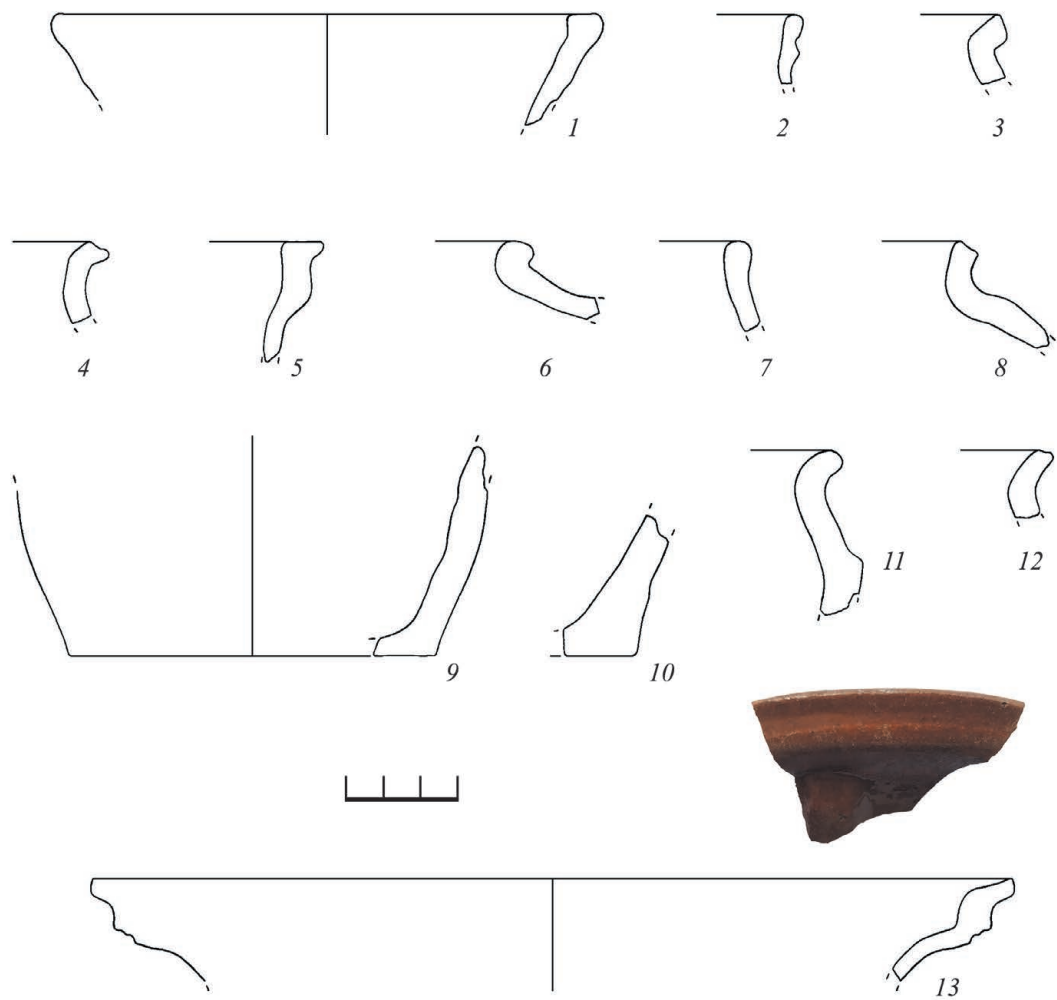
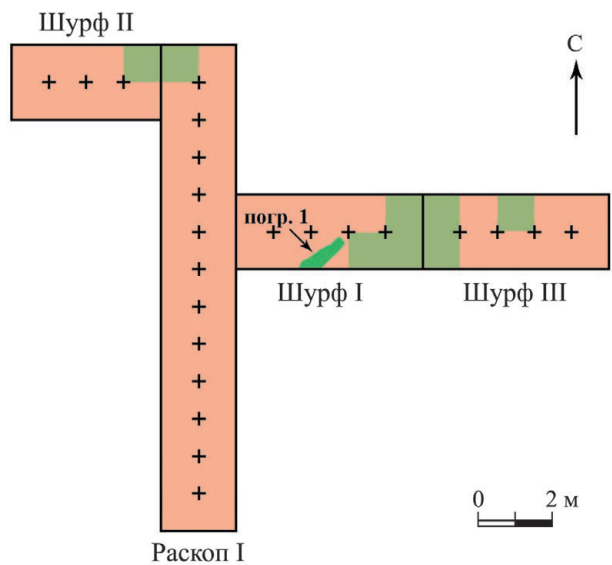

Рис. 24. Монастырь, 2019 г. Раскоп I. Круговая керамика (рис. Н. А. Плавинского)

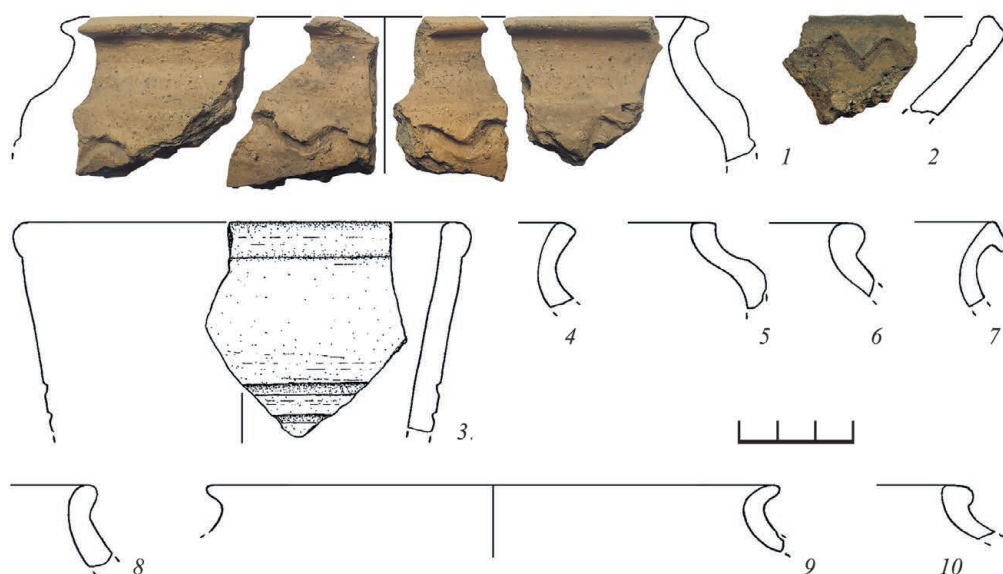

Рис. 25. Монастырь, 2019 г. Шурф I. Круговая керамика (рис. Н. А. Плавинского)

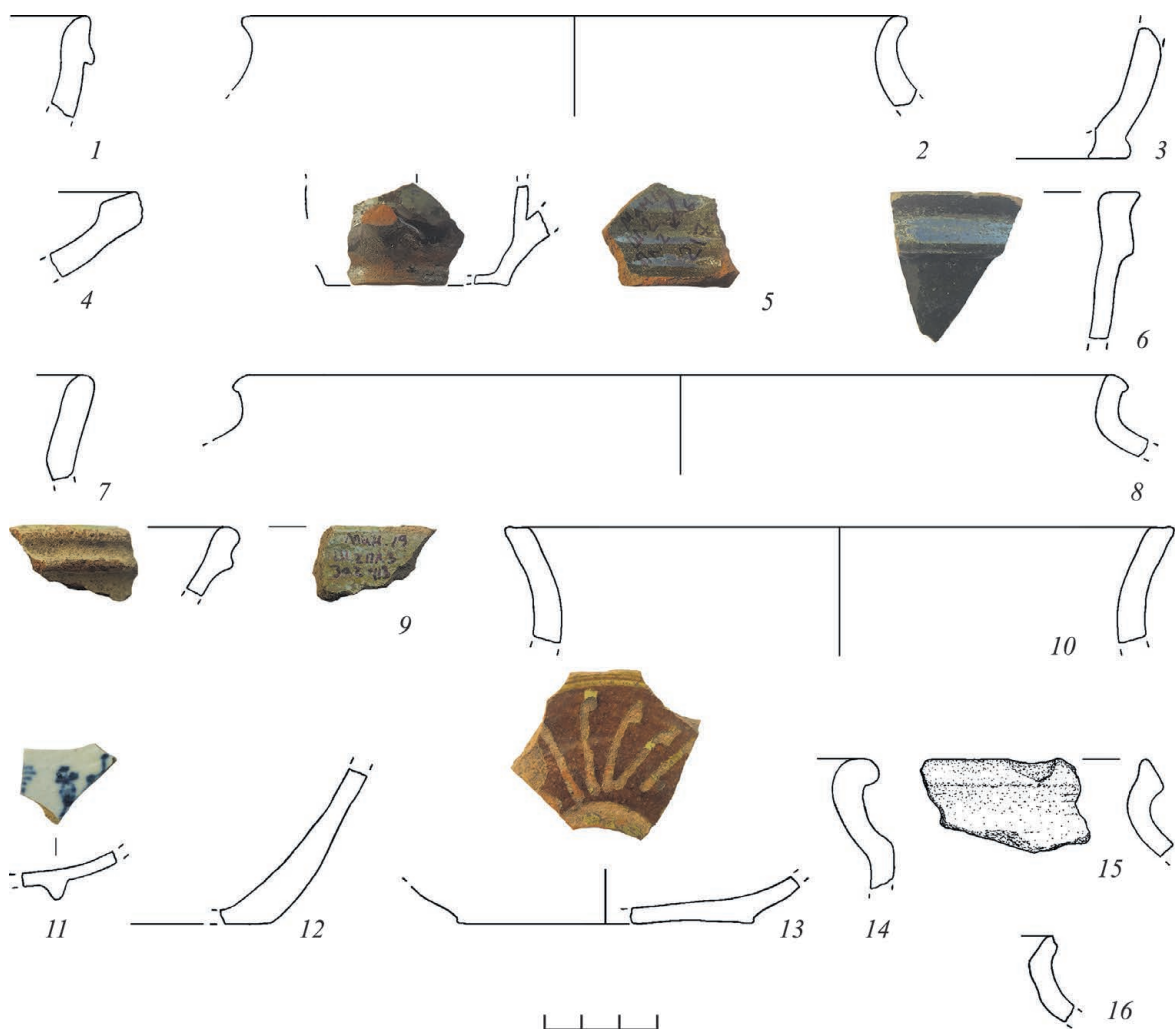

Рис. 26. Монастырь, 2019 г. Шурф II. Круговая керамика (рис. Н. А. Плавинского)

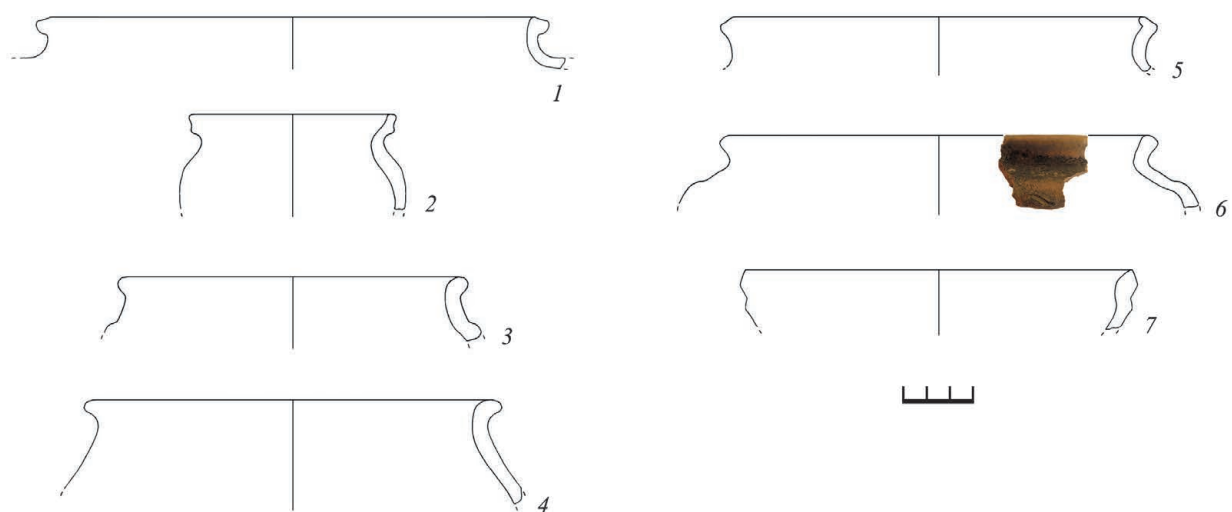

Рис. 27. Монастырь, 2019 г. Шурф III. Круговая керамика (рис. Н. А. Плавинского)

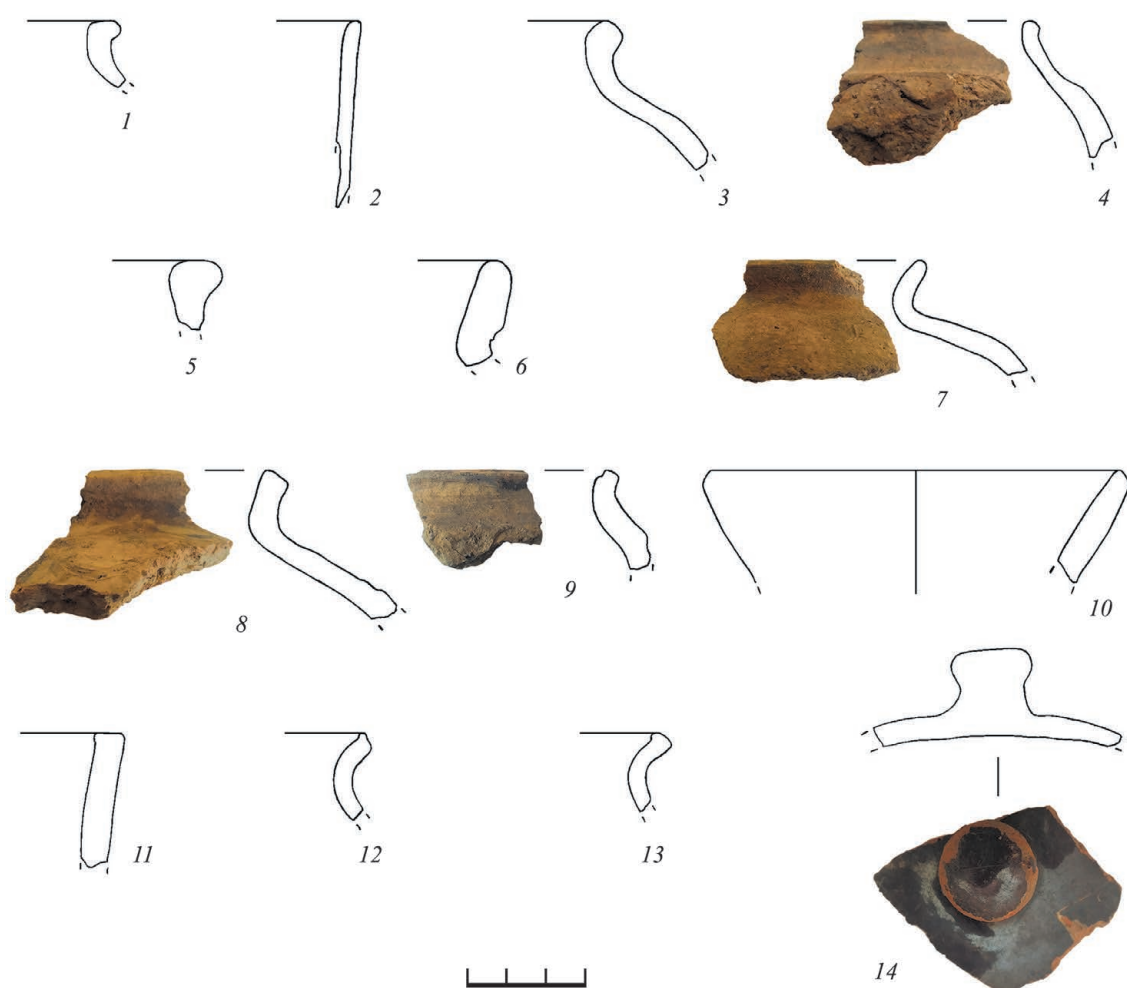

Рис. 28. Монастырь, 2019 г. Шурф III. Круговая керамика (рис. Н. А. Плавинского)

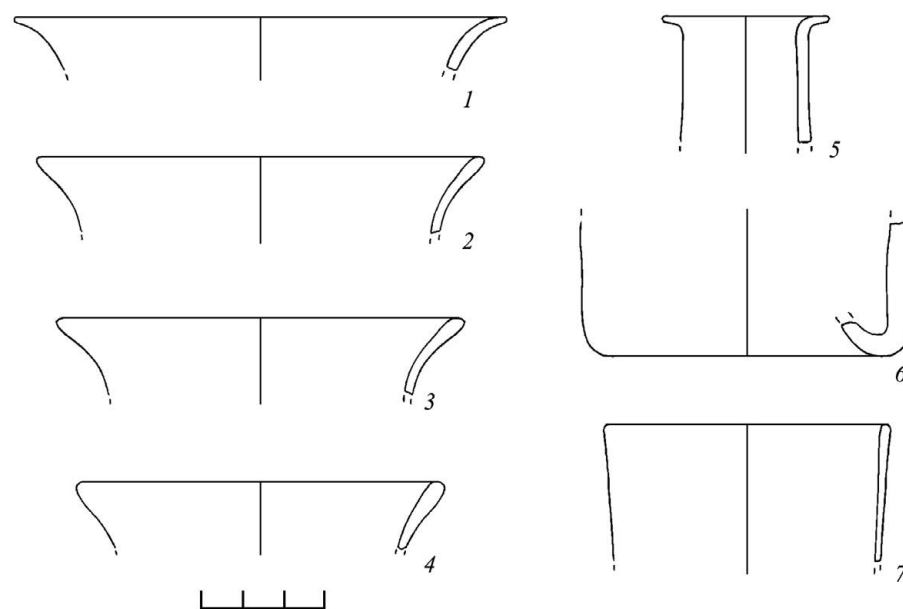

Рис. 29. Монастырь, 2019 г. Стекланные сосуды (рис. Н. А. Плавинского)

1–4 – венчики лампадок; 5 – горлышко бутылки; 6 – доньшко бутылки; 7 – венчик сосуда. 1–5 – шурф I; 6, 7 – шурф II

В составе коллекции стеклянной посуды выделяется серия фрагментов сосудов из прозрачного зеленоватого стекла с раскрытыми и отогнутыми наружу венчиками диаметром 10–12 см (рис. 29, 1–4). Подобные сосуды наиболее уверенно можно интерпретировать в качестве лампадок (Соловьёв, 2020. С. 133. Рис. 4).

Строительные материалы можно разделить на две группы. Строительные материалы первой группы относятся к монастырским строениям, описанным в 1819 г., незадолго до того, как монастырь сгорел. К этой группе принадлежат многочисленные железные кованые гвозди, покрытые окалиной (1085 ед.), куски кровельной жести со следами пребывания в огне, свинцовые обкладки оконных стекол и фрагменты самих стекол, часть из которых оплавлена. К этой же группе принадлежат плитки пола, покрытые глазурью серого и темно-коричневого (почти черного) цвета, часть из них несет на себе следы вторичного обжига (рис. 30, 1–3). Ко второй группе строительных материалов относятся немногочисленные фрагменты изразцов. Среди них имеются обломки внешних пластин красных изразцов, изразцов с зеленой глазурью (рис. 30, 4–12) и фрагменты румпы.

Особый интерес представляет обломок горшкового изразца с квадрифольным устьем (рис. 30, 13), найденный в шурфе III, свидетельствующий о возможности существования на острове изразцовых печей уже в XVI в.³

В этом же шурфе III обнаружен обломок кирпича-«пальчатки» (рис. 30, 14). Несмотря на свою единичность, он представляет значительный интерес, так как позволяет предполагать определенную строительную активность с использованием кирпича на острове Монастырь до возведения монастырской постройки, описанной в 1819 г.

Выводы

Особенностью реконструкции истории Браславского Пречистенского монастыря является значительное число письменных источников, имеющих в распоряжении исследователей, а также представительная нумизматическая коллекция, собранная в процессе раскопок 2019 г. Корреляция сведений из письменных источников, археологических и нумизматических данных позволяет достаточно подробно реконструировать основные этапы истории монастыря (рис. 31).

³ Считается, что изготовление горшковых изразцов с квадрифольным устьем на территории Беларуси продолжалось со второй половины XIV до начала XVI в., хотя в наборах изразцов некоторых печей они могли использоваться еще на протяжении следующих нескольких десятилетий (Заяц, 2001. С. 321, 322).

Рис. 30. Монастырь, 2019 г. Строительные материалы (рис. и фото Н. А. Плавинского)

1-3 – фр-ты плитки от пола; 4-13 – фр-ты изразцов; 14 – фр-т кирпича-«пальчатки».

1, 2, 9-11 – шурф I; 3, 13, 14 – шурф III; 4-8 – раскоп I; 12 – шурф II

1. Православный монастырь на острове на оз. Неспиш возник в XV в. В 1501 г. монастырь уже функционировал, а представительная серия монет Александра Ягеллончика свидетельствует об активной хозяйственной деятельности на острове в конце XV – начале XVI в.

2. После заключения Брестской церковной унии в 1569 г. монастырь признавал юрисдикцию униатской иерархии и действовал по крайней мере до 1630-х годов.

3. С середины XVII в. (со времени Тринадцатилетней войны) и до завершения Великой Северной войны (до 1720-х годов) монастырь де-факто не действовал. На протяжении этого времени, после 1660-х годов, почти не фиксируется выпадение в культурный слой памятника монетных находок, возобновившееся только в 1710-е годы. Можно полагать, что именно в то время, когда функционирование монастыря приостанавливается (или сворачивается), на исследованном в 2019 г. участке существовал некрополь.

4. Первые точные и подробные данные о деятельности Браславского Пречистенского монастыря в XVIII в. принадлежат к 1730-м годам, а период его расцвета начинается с середины 1760-х годов. Очевидно, что в процессе раскопок 2019 г. выявлены фундаменты одной из «линий» монастыря, описанного в 1819 г. В процессе стройки существовавшее здесь ранее кладбище было уничтожено. Датировка возведения нового монастырского здания на данном этапе исследований может быть отнесена к середине – второй половине XVIII в.

5. В начале 1830-х годов в монастыре произошел пожар, отчетливо прослеживаемый по археологическим данным. Этот пожар положил конец существованию монастыря. Примечательно, что после 1820-х годов прекращается выпадение на острове монетных находок.

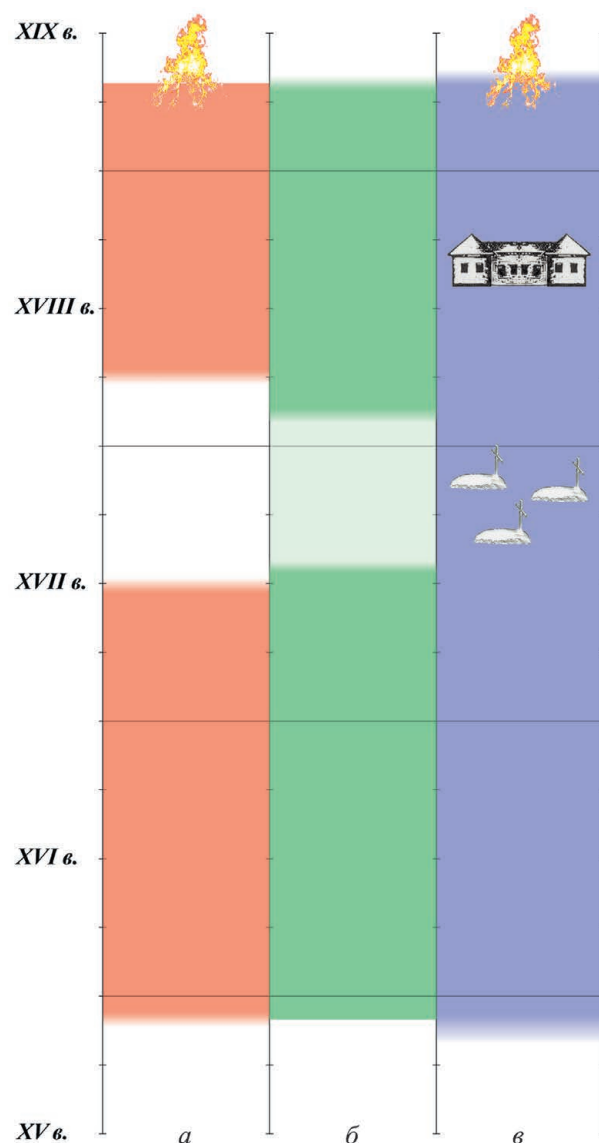

Рис. 31. Монастырь, 2019 г. Хронология функционирования Браславского Пречистенского монастыря на острове по письменным источникам (а), нумизматическим (б) и археологическим данным (в)

Литература

Блакiтны скарб Беларусi: рэкі, азёры, водасховiшчы, турыскі патэнцыял водных аб'ектаў. Мiнск: БелЭн, 2007. 480 с.

Варонiн В., 2003. Браслаўскі Прачысценскі манастыр на востраве паводле прывілея Жыгiмонта I 1540 года // Браслаўскія чытаннi. Матэрыялы VI-й навукова-краязнаўчай канферэнцыi. Браслаў. С. 13–15.

Джаксон Т.Н., 2001. Austr í Gögðum: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М.: ЯСК. 208 с.

Дуцiц Л.В., 1978. Отчет о полевых исследованиях в 1978 г. / Центральный научный архив НАН

Беларуси. Фонд археологической научной документации. Дело № 576.

Заяц Ю.А., 2001. Кафля і кафляныя печы // Археалогія Беларусі. Т. 4. Помнікі XIV–XVIII стст. Мiнск: Беларуская навука. С. 319–348.

Лiсейчыкаў Д.В., Плавiнскі М.А., 2021. «Цуд на востраве сярод водаў»: Браслаўскі Прачысценскі манастыр у святле пiсьмовых крынiц i археалагiчных даследаванняў // Аpxiварыус. Вып. 19. Мiнск. С. 117–137.

Генеральныя вiзiты базыльянскiх манастыроў Лiтоўскай правiнцыi, 1819 / Нацыянальны

гістарычны архіў Беларусі. Ф. 136. Воп. 1. Спр. 41257.

Плавінскі М. А., 2017. Познесярэднявечныя селішчы Браслаўскага Паазер'я (па матэрыялах раскопак 2004–2005 гадоў) // Віцебскія старажытнасці: матэрыялы навуковай канферэнцыі, прысвечанай 150-годдзю з дня нараджэння У. Г. Краснянскага. Віцебск: ВДУ. С. 110–126.

Плавинский Н. А., Красногир А. Г., 2021. Нумизматическая коллекция из раскопок Браславского Пречистенского монастыря в 2019 г. // Двадцать первая всероссийская нумизматическая конферен-

ция. Тез. докл. и сообщений. Тверь: Тверская фабрика печати. С. 142–144.

Соловьёв А. А., 2020. Помещения библиотеки Полоцкого иезуитского коллегиума XVII – начала XIX в. по археологическим и документальным данным (проблемы изучения и реконструкции) // Вестник Полоцкого гос. университета. (Гуманитарные науки. № 1). С. 129–136.

Струков Д., 2011. Альбом рисунков. 1864–1867. Минск: БелЭн. 308 с.

Штыхов Г. В., 1975. Древний Полоцк (IX–XIII вв.). Минск: Наука и техника. 136 с.

N. A. Plavinski

Braslaŭ Theotokos Monastery on excavation materials of 2019

Summary

The Braslaŭ Theotokos Monastery is an extremely interesting example of a religious community, the life of which was carried out in a limited area for a fairly long period – more than three centuries. A comprehensive study of written sources together with archaeological and numismatic materials obtained during the excavations in 2019 provides a rare opportunity to reconstruct the main stages of the history of the monastery, as well as the features of the material culture and life of its inhabitants:

1) an Orthodox monastery on an island on Lake Niespiš was founded in the 15th century. In 1501 the monastery was already functioning, and a representative series of coins of Alexander Jagiellonchik testifies to the active economic activity on the island in the late 15th – early 16th century;

2) after the conclusion of the Brest Church Union in 1569, the monastery recognized the jurisdiction of the Uniate hierarchy and operated at least until the 1630s;

3) from the middle of the 17th century (from the time of the Thirteen Years War) and until the end of the Great Northern War (until the 1720s), the de facto monastery

did not function. During this time, after the 1660s, almost no coin finds fell into the cultural layer of the monument, which was renewed only in the 1710s. It can be assumed that it was at the time when the functioning of the monastery was suspended (or dwindled) that a necropolis existed on the site investigated in 2019;

4) the first accurate and detailed data on the activities of the Braslaŭ Theotokos Monastery in the 18th century belong to the 1730s, and the period of its heyday begins in the mid-1760s. Obviously, during the excavations in 2019, the foundations of one of the “lines” of the monastery, described in 1819, were erected on the site of the cemetery, which was destroyed in the process of its dismantling. The dating of the construction of the new monastery building at this stage of research can be attributed to the middle – second half of the 18th century;

5) in the early 1830s a fire occurred on the island, which can be clearly traced on the basis of archaeological data. This fire put an end to the existence of the monastery. It is noteworthy that after the 1820s the loss of coin finds on the island stops.

List of figures

Fig. 1. Manastyr island on the map of the Republic of Belarus

Fig. 2. Manastyr island. Photo by G. Sialiava

Fig. 3. Watercolor by D. M. Strukov «Plan of Breslav and surroundings. Made visually from nature, without size»

Fig. 4. Watercolor by D. M. Strukov «From Breslavl' in 5 verst. the plan of the island and the foundations of the Assumption Monastery»

Fig. 5. Manastyr island pictured on Google

Fig. 6. Situational plan of the settlement Manastyr (drawn by M. Plavinski)

Fig. 7. Settlement Manastyr. Survey materials of 2005. Wheeled pottery (drawn by Z. Ilchyshyn)

Fig. 8. Settlement Manastyr. Survey materials of 2005 (drawn by Z. Ilchyshyn)

1–2 – fragments of terracotta tiles; 3 – a fragment of a candlestick (?); 4 – sinker from a fishing net; 5–7 – bottoms of glass vessels

Fig. 9. Manastyr 2019. Combining a top-down view of Manastyr island with a plan of its central part in horizontals (drawn by M. Plavinski)

Fig. 10. Manastyr 2019. 3D-model of the daytime surface of the central part of the Manastyr island. Horizontals are drawn in 0,2 m (model by V. Makowskaya)

Fig. 11. Manastyr 2019. Mutual arrangement of Pit I and Tranches I–III

Fig. 12. Manastyr 2019. Pit I on the basic earth level. View from the south (photo by M. Plavinski)

Fig. 13. Manastyr 2019. Planigraphy of objects identified in Pit I and Tranches I–III (drawn by M. Plavinski)

1 – a trench from the fence; 2 – the foundations of the monastery; 3 – the foundation of an outbuilding; 4 – a gravel pit

Fig. 14. Manastyr 2019. 3D-model of foundations in Tranches I and III (model by V. Makowskaya)

Fig. 15. Manastyr 2019. Plan of burial (1) and materials from the filling of the gravel pit (drawn by M. Plavinski)

2, 3 – iron nails from the coffin; 4 – a fragment of the rim of a goblet (?); covered with green glaze

Fig. 16. Manastyr 2019. Trench II. 3D-model of a stone foundation of an outbuilding (model by V. Makowskaya)

Fig. 17. Manastyr 2019. Hand-made pottery (1–7) and a rim of a wheeled pot from the Old Russian time (8) (drawn by M. Plavinski)

1–6 – Pit I; 7 – Tranche I; 8 – Tranche II

Fig. 18. Manastyr 2019. Coins of the first chronological group, late 15th – late 1570s (photo by M. Plavinski)

1, 2, 11, 13 – Tranche I; 3–5, 8, 9, 14 – Tranche II; 6, 7 – Pit I; 10, 12, 15, 16 – Tranche III

Fig. 19. Manastyr 2019. Coins of the second chronological group, solidis of Jan II Casimir Vasa (photo by M. Plavinski)

1–10 – Pit I; 11–13 – Tranche I; 14–21 – Tranche II; 22–26 – Tranche III

Fig. 20. Manastyr 2019. Coins of the second chronological group, 1600s – late 1660s (photo by M. Plavinski)

1–3, 8, 9 – Tranche II; 4, 7, 13–15 – Tranche I; 5, 6 – Pit I; 10–12, 16 – Tranche III

Fig. 21. Manastyr 2019. Coins of the third chronological group, 1710s – late 1820s (photo by M. Plavinski)

1 – Tranche III; 2–5 – Tranche I; 6 – Pit I

Fig. 22. Manastyr 2019. Details of clothing, household items and tools (drawn and photo by M. Plavinski)

1 – button (glass); 2 – button (iron); 3–7 – loops for fastening clothes (3–4, 7 – iron; 5, 6 – non-ferrous metal); 8, 9 – stripes (non-ferrous metal); 10 – rosary bead (stone); 11 – buckle (iron); 12 – ring (non-ferrous metal); 13 – chain (non-ferrous metal); 14 – fragment of a smoking pipe (clay); 15 – a fragment of a key (iron); 16 – an awl (iron); 17 – a fragment of a comb (horn); 18 – a fragment of a knife blade (iron); 19 – a back plate on a knife handle (non-ferrous metal); 20, 21 – fish hooks (20 – non-ferrous metal; 21 – iron); 22 – an object with a screw thread (iron); 23 – a figured plate (non-ferrous metal); 24 – a fragment of a forged figured product (iron). 1–5, 7, 12, 14, 20, 21 – Pit I; 6, 11, 15–19, 24 – Tranche II; 8–10 – Tranche I; 13, 22, 23 – Tranche III

Fig. 23. Manastyr 2019. Planigraphy of finds of human bones in Pit I and Tranches I–III. The squares with redeposited human bones are marked in green (drawn by M. Plavinski)

Fig. 24. Manastyr 2019. Pit I. Wheeled pottery (drawn by M. Plavinski)

Fig. 25. Manastyr 2019. Tranche I. Wheeled pottery (drawn by M. Plavinski)

Fig. 26. Manastyr 2019. Tranche II. Wheeled pottery (drawn by M. Plavinski)

Fig. 27. Manastyr 2019. Tranche III. Wheeled pottery (drawn by M. Plavinski)

Fig. 28. Manastyr 2019. Tranche III. Wheeled pottery (drawn by M. Plavinski)

Fig. 29. Manastyr 2019. Glassware (drawn by M. Plavinski)

1–4 – rims of icon lamps; 5 – neck of a bottle; 6 – bottom of a bottle; 7 – rim of a vessel. 1–5 – Tranche I; 6–7 – Tranche II

Fig. 30. Manastyr 2019. Construction materials (drawn by M. Plavinski)

1–3 – fragments of tiles from the floor; 4–13 – fragments of tiles; 14 – a fragment of a brick. 1–2, 9–11 – Tranche I; 3, 13–14 – Tranche III; 4–8 – Pit I; 12 – Tranche II

Fig. 31. Manastyr 2019. Chronology of the functioning of the Braslaŭ Theotokos monastery on the island according to written sources (a), numismatic (b) and archaeological data (c)